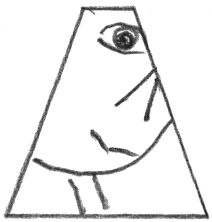

Сергей
КРУГЛОВ

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Москва
2010

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
К84

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта Вадим Месяц
Главный редактор серии Андрей Тавров
Оформление серии Валерий Земских

К84 Сергей Круглов
Народные песни. — М. : «Русский Гулливер»/Центр современной литературы, 2010. — 116 с.

Сергей Круглов — поэт и священник, живет и работает в Минусинске. Своим творчеством демонстрирует традиционное для русской литературы тяготение священной нравственности к профессиональной литературе и самой литературы — к нравственному наставничеству. В поэзии Круглова эти полюса, разошедшиеся в последние годы на катастрофическое расстояние, создают энергию напряжения, в котором слово современного пастыря и слово поэта, обретают новое единство.

ISBN 978-5-91627-050-1

© С. Круглов, текст, 2010
© Русский Гулливер, 2010
© Центр современной литературы, 2010

Сергей Круглов родился в 1966 году, служит православным священником в г. Минусинске Красноярского края.

Книги стихов: «*Снятие змия со креста*», «*Приношение*», «*Зеркальце*», «*Переписчик*», «*Лазарева весна*».

Лауреат премий Андрея Белого, «*Московский счет*».

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ОЖИДАЕМОГО

К стихам Сергея Круглова приложимо данное некогда другим Сергеем — Трубецким — определение русской иконы как «умозрения в красках». Здесь то же умное зрение, прозревающее райскую первооснову за всеми трагическими реалиями нашего здесь-бытия, то же осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом, которые запечатлевает в линии и цвете — иконопись, церковное пение — в звуке, и в слове — гимнография. Это в подлинном смысле слова церковная поэзия, аналогов чему в русской изящной словесности за три с лишним века ее существования я почти не вижу.

Переложения псалмов и библейских сюжетов, не говоря уже о «приходской лирике» — нечто совсем другое, отличающееся от того, что делает Сергей, как икона — от живописи на религиозную тему (чаще всего — невыносимой академической литературщины). Единственное исключение, пожалуй, ода «Бог», после которой, похоже, сама способность, славословя Творца, в безмерной разности теряться и благодарны слезы лить, если не исчезла совсем, то стушевалась, как бы устыдившись самое себя, и удовольствовалась отведенной ей нишей «религиозной», то есть, по определению, второсортной стихотворной продукции, не допускаемой за барский стол, как не допускали туда попа: последнего вместе с кучером поили чаем лишь на кухне. С появлением Круглова эта порочная практика кончается: священник-поэт, как и в европейской литературе, оказывается в российском «профессиональном сообществе» равным среди равных. И это, безусловно, знамение времени.

Не так давно поющий в патриаршем хоре регент храма, в котором я служу, сказал, что в провинции (речь шла об Омске, Иркутске и других старинных городах Сибири) на их концерты не пробиться, тогда как самые раскрученные из звезд шоу-бизнеса не вызывают там никакого интереса и едва собирают зал. Это представляется

закономерным. Как и аншлаг на выступлении Круглова (живущего безвыездно в Минусинске) в Москве и Питере. «Человечеству хочется песен», как сказал вскоре другой сибирский поэт после смерти Сталина — райских песен, добавил бы я, тех, что запечатлели подлинный опыт рая, забытой и полагаемой больше невозможной радости о Боге. Именно Он — «лирический герой» стихотворений Круглова, их субъект точно так же, как и показывает, какой Он субъект нашего спасения, говоря языком богословия. «Народные песни» — это фольклор народа святых, царственного священства, людей, взятых в удел, как именуются все христиане в апостольском послании. К давно и прочно забытому первохристианскому восприятию мира и возвращают эти «песни» с их подчеркнуто сегодняшней (наряду с архаичной, церковнославяской) лексикой, с их сюжетами, где встречаются, пронизывая друг друга, едва ли не все культурно-исторические эпохи, взрывая изнутри сегодняшнюю, постмодернистскую, заново обретенным Кругловым в христианстве смыслом.

«Автор жив», — утверждает Сергей каждым стихотворением (песней) и показывает какой Он, этот Автор, каким открылся Он поэту, предстоящему у Престола, напутствующему умирающих, служащему не только в храме, но и в хосписе, и на зоне. Священнический опыт переплавляется в художественное свидетельство, в миф в лосевском смысле термина, то есть историю встречи с Трансцендентным, в богословие-как-поэзию, в благословение поэта всему живому, включая саму смерть — больную цепную собаку у райских врат, которую

Господь осторожно берет её на руки
— пытается лизнуть и не может —
и медленно несёт к ветеринару

«спи дружок
отслуживший честно»

магния сульфат отплывает в путь по венам
слабеет падает давленье крови
райские минуты блистательно шествуют

и смерть делает рывок прыгает
в бездну жизни
вытянувшись и закостенев в прыжке

На моей стене справа от стола висит подаренная Сергеем картинка: Смерть выворачивает с недоумением карманы, переминаясь на босых ногах: нет, нигде нет жала, где оно, где, Смерть, твое жало? А — нету! Где, ад, твоя победа? Все живы, все живо, дети играют в Литургию

И в ответ на биение маленького сердечка
Всепоглощающий, неотвратимый
Дух

— На ны
И на предлежащия дары сия -

Свивается в огненное кольцо, и покорно, нежно,
Неотвратимо
Обрушивается в маленькую пластмассовую Чашу.

Константин Кравцов

НА КРАЮ — ПО ТУ СТОРОНУ

Поэта Сергея Круглова не нужно представлять читателю. Он ярко заявил о себе в девяностые годы, а затем вернулся после нескольких лет поэтической аскезы — вернулся преображенным, зрелым и, в то же время, — современным поэтом. Он — автор нескольких книг, лауреат самой, может быть, престижной (и самой «безденежной», аскетической) премии в области современной поэзии в России — премии имени Андрея Белого. О Сергее Круглове много говорят и пишут, и этот отклик, как мне кажется, не будет прекращаться, потому что Круглов-поэт находится в расцвете своего таланта.

Священника о. Сергия Круглова тоже не нужно представлять, но по иной причине. Прихожане знают его как духовника, как человека, совершающего таинства Церкви благодатью Святого Духа. И отношения священника и его паствы слишком личные, чтобы о них говорить. Для людей же внешних священство Сергея — источник притяжения, от простого любопытства («Это надо же! Поп, а туда же, стихи пишет!»), до поиска ответа на главные вопросы бытия и небытия, ибо поэтом-священником должна руководить не язычница Полигимния, но Дух-Параклет. Активным атеистам будут интересны те мысли в поэзии Круглова, которые не слишком укладываются в обыденную догматику: и как его только терпят?..

Елена Фанайлова как-то написала о Сергее-Сергии , что в нем есть бескомпромиссность, с одной стороны — бескомпромиссность христианина, с другой — бескомпромиссность поэта, выражающего свои мысли и чувства современным языком. И здесь нечего возразить — так оно и есть.

Новая книга Сергея Круглова, которую мы берем в руки, имеет название фольклорного песенника. И сразу же вопрос — а не фольклор-

ная ли стилизация перед нами? А не спеть ли и впрямь эти стихи? И в ответ — два «НЕТ». Это не стилизация и не фольклор. И петь эти стихи — нельзя. А если и можно, то что это за народ, который может петь подобные песни? Постсоветский русский народ? Народ Божий, Церковь?

Мне кажется, в названии книги Сергей перекликается с Тимуром Кибировым, с его «Греко-кафолическими потешками». Это может показаться некоторым «снижением», низведением почти сакрального текста к чему-то почти детскому, забавному.

Но — «не будете как дети — не войдете в Царствие Небесное». И в пении всегда есть нечто сакральное : «Тебе подобает хвала, Тебе подобает пение, Тебе слава подобает...»

Первое же стихотворение Круглова, основанное как раз на приведенном высказывании Христа, может повергнуть в смятение. Называется оно «Дрейдл» דריידל — это еврейское слово. Так называется квадратный волчок, юла, в которую дети традиционно играют во время Хануки, праздника Света. «Дрейдл» не то слово, которое «надлежит» знать русскому человеку и русскому священнику, а вместо Хануки есть у православных праздник в честь мучеников Маккавеев. Но не это самое потрясающее в стихотворении. В нем Христос обращается к людям Своим, говоря, что только нечеловеческие страдания могут вернуть их в детство, сделать пригодными к входу в Царствие:

Чтоб заставить играть нас в волчки, непременно надо
Прислать роту оккупантов,
Ражих, белесоглазых , неумолимых,
Ударами прикладов разносящих в щепы двери,
Перебивающих прячущимся позвоночники, дробящих затылочные кости,
Мечущих в огонь свитки, затаптывающих свечи,
Громко, страшно и непонятно
Лающим языком отдающих приказы.

Мы-то все не хотим страданий, и, когда вспоминаем о них, думаем о том, как избежать страданий в будущем и как наказать тех (пусть посмертно!), кто был виновен в наших муках. Вопрос о смысле страданий по меньшей степени неполиткорректен. И именно с него и начинает книгу Круглов — резко, бескомпромиссно.

Страдания этого мира и страдания мира загробного сопрягаются в стихах о. Сергия Круглова, — ад это осуждение без Судии, это

не грешник взывает из адских пропастей («Из глубины воззвах Тебе, Господи, Господи, услыши глас мой!»), но Сам Христос взывает к обитателям ада, умоляя их разорвать круг мучений, в который сами люди поместили себя — нет ограды вокруг преисподней:

О жители ада, болезные, грешные,
Родные Мои чада!
Не постигаю — как мы с вами
Умещаемся-то на этом гиблом месте...

И здесь же аллюзия с «Маленьким принцем» Сент-Экзюпери: мы в ответе за Того, кого приручили. Грешники приручили самого Христа — и никак не меньше...

Христос в книге Круглова является многообразно.

Маленькой девочке Христос представляется белым Бэтменом, спускающимся с неба. Старый римский легионер вспоминает свою службу в Иерусалиме, но он не попросит у Христа помилования — слишком упрям. Для Агасфера он Странник, который придет к его вечному дому, чтобы принять плат со Своим ликом из рук жены Агасфера — Вероники.

Для парня из российской глубинки Воскресший — свой кореш, который не отказался бы от баночки «Клинского»

Тема греха и святости пронизывает все творчество о. Сергия, и в «Народных песнях» она приобретает парадоксальный характер, свойственный богословскому мышлению поэта. Вот небольшой цикл «Новомученики и исповедники российские XXI». Здесь и заключенные, и инокиня, в прошлом акушер и бухгалтер — ее руки связаны, а рот заклеен скотчем — так поступали бандиты девяностых со своими жертвами. И восьмирукий паучок — приходской священник, каким изображает его антирелигиозный плакат, все восемь рук заняты текущими делами, а до школы, которую хотят защитить от него атеисты, у него просто руки не доходят...

Собственно, о. Сергий — обычный приходской священник, это о нем самом. Но грех для поэта не нечто внешнее, с чем он должен бороться, грех глубоко угнездился внутри самого повествователя:

скорчился в позе эмбриона
весь-то с ладонь
тощая сизоватая тушка сплошной лишай
кое-где пучки жосткой пепелесой короткой шерсти
как бы шевелятся: вши обложили их гнидами

(думаю — странно
чем там они питаются живой крови
поди нет и двух граммов)
щелки глаз заросли гроздьями гноя
рыльце усы в засыхающей слизи
смрадный язык
сквозь редкие гнилые клычки сер

сипит дышит редко

этот маленький нечистый зверек —
мое сердце

Нужно иметь огромное мужество, чтобы написать о себе так. После этого о. Сергий может писать и о нерожденных, абортированных младенцах, и о кошмарном видении сторожа Храма Христа Спасителя: утопленники-купальщики бассейна «Москва», который долгое время находился на месте разрушенного Храма. Такова наша жизнь — Атлантида на Атлантиде.

О. Сергий иногда просто рассказывает истории — из жизни верующих людей, часто обращаясь к кризисным ситуациям, когда вера и воцерковленность вот-вот сломаются и будут отброшены в сторону. Вот маленькая девочка «играет в Литургию», подражает священнику, произносит слова анафоры. Но это детское благочестие считается грехом, и мать всерьез думает, не сводить ли ребенка на отчитку, для изгнания беса...

Читая это стихотворение, я вспомнил читанные когда-то воспоминания православного подвижника, который в детстве, подражая священнику (на что не имел никакого права!) совершал молебен о даровании дождя — и дождь пролился на иссохшую землю...

В своей книге о.Сергий Круглов не щадит ни нас, ни себя. Для того, чтобы, придя к самому краю, мы смогли сказать вместе с Агасфером:

Собственно,
Жизнь —
Так и быть — стоила,
Чтобы жить её вечно.

Борис Херсонский

ДРЕЙДЛ

ДРЕЙДЛ

Господь наш Иисус Христос
Собрал нас вместе,
Дождался, пока усядутся и перестанут шипеть и толкаться
Последние из вошедших,
Вздохнул и произнес негромко:
«Ведь Я говорил вам: будьте как дети.
Дети, играющие
Например, в волчки.
А вы чем занимаетесь?»

В установившейся тишине муха
Прогромыхала, как гром небесный.
Кто смотрел в пол, кто — изучал ногти,
Кто открыл было рот, чтобы что-то
Запальчиво возразить, но раздумал.

И в самом деле — что тут скажешь.

Чтоб заставить играть нас в волчки, непременно надо
Прислать роту оккупантов,
Ражих, белесоглазых , неумолимых,
Ударами прикладов разносящих в щепы двери,
Перебивающих прячущимся позвоночники, дробящих затылочные кости,
Мечущих в огонь свитки, затаптывающих свечи,
Громко, страшно и непонятно
Лающим языком отдающих приказы.

Чтобы вечная весна
Не останавливалась, вращалась
На своем острие.

ИЗ ГЛУБИНЫ ВОЗЗВАХ

Говорит Господь: «Что Мне делать
С вами, жители ада!
Призываю на вас
Очистительную, спасающую жгуче, святую
Свою правду —
В бок пинаете, в язвы Мои язвите,
Давите в лицо окурком,
Накидываете на шею скрученное полотенце,
Рыдаете: «Пожалей нас, начальник!
Где ж Твоя милость!»,
Припадочной исходите пеной.
Любовью помиловать и простить Вас желаю —
Презрительно цедите: «Не нуждаемся!»,
В доказательство
Скалите чернь чифирных зубов,
Что-то надрывно, бессвязно запеваете,
Ржавой бритвочкой пишете себе запястья,
Демонстрируя низость
Своего болевого порога,
О белоглазые.

Хочу даровать вам покой —
Просите оставить в покое.

Пытаюсь уйти, ведя
Вас за собою — вокруг ада
Ведь нет и не было вовеки
Ни ворот, ни ограды! —
Гонитесь, цепляетесь за что попало,
Рвете Мне сердце,
Тащите, вопите скопом,
Умоляете не покидать, вернуться.

О жители ада, болезные, грешные,
Родные Мои чада!
Не постигаю — как мы с вами
Умещаемся-то на этом гиблом месте,
Очам ангела почти незримом,

Малюсеньком, меньше
Среза паутины, тленней пепла,
Площе комариного писка, ничтожней ничто?
Чем мы еще здесь живы, — не ведаю!
Вы ведаете, вы, — ответственные
За Меня, Которого приручили».

* * *

Они Ему: Бачка, куда Ты, полночь, и вьюга метёт!
А Он им: Я должен идти, иначе весна не придёт.

А Пётр: и я с Тобою! не место мне тут, у огня!
А Он: какого ты духа, не знаешь, и о! не держи Меня.

Они: худы наши нарты, и нет, чтобы впрячь, собак.
А Он им: не беспокойтесь, Я отправляюсь так.

Они: патроны и спички в мох сухой заверни!
А Он: Мой сугрев и пища — Отцовы глаза-огни.

Они: ну куда Ты в урманы, в курумник — ноги ломать?!
А Он: кто Меня послушает — тот мне братья и мать.

И всем напоследок спирта в кружки Он щедро налил,
И сочною строганиной напоследок всех угостил.

И самый младший заплакал, за парку Его ухватясь,
А Он : вытри сопли, бойе! гляди, чтоб костёр не угас.

И Он ушел за весною, туда, где вечная мгла
(А двенадцатого схватились, когда уж весна пришла).

ПРЕПОДОБНЫЙ ИОАНН ДАМАСКИН ГОВОРИТ:

Пусть мудрец — только муха, влетевшая в огромное ухо слона,
Но все трое ведают: священна всякая плоть.
Ей престолом поставил четыре угла, яко во́лною доску отбелил
(Реял кистию Дух, аллилуйей гремела великая тишина),
Алым золотом, утлою вохрою, жженою костью любви плоть выводил
Иконописец-Господь.

МЫ ОТВЕЧАЕМ:

Мы почти до левкаса разрушили весь живописный слой,
До основы растлили священную плоть.
И любовных сплетений Вида и Имени некому ныне постичь:
Нас смывает квасцами ревущей воды живой
И заносит над голой доской новой прориси молниевидный бич
Реставратор-Господь.

БЕГСТВО

Некто из народа сказал Ему: Учитель! Скажи брату моему, чтобы он разделил со мною наследство. Он же сказал человеку тому: кто поставил Меня судить или делить вас?

(Лк. 12:13,14)

Олегу Усенкову

1

Эй, вставай! уйдём из дома до утра порану!
Алой рожью колосится степь за Иорданом.

Гадаринской ночи очи уж посизовели, —
Убежим, покуда хлопы господарство делят.

Ворошат клуни, коморы, с крыш рвут солому, —
Пока нас не увидали, дети, геть из дому.

Ну-ка тише, словно мыши, босыми ногами,
Голову пригни пониже, проскочим задами.

Не возьмем с собой в дорогу ни сумы, ни хлеба, —
Подсади-ка, эй, небого! залезай на небо.

Да скорее, в чистом поле нас бы не застали!
Правсомольцы не напрасно вороных седлали:

Чуют соколы погоню, стелятся верхами,
Впереди их — комиссар с белыми глазами.

Шашки вытянут, настигнут, с гиком порубают,
Порубают да рудою коней напувают.

Как не добежим до неба — ой, будет лихо!
Успокой дитя, Мария, чтобы плакал тихо.

2

Кружит в поле эскадрон, удила бряцают,
В чистом небе следы ветер заметает.

Где искать беглецов — думайте-гадайте.
«Так, братва, — в Ерусалим! Эх, уйти не дайте!»

Вороному — шенкелей, гнев ярит утробу, —
Комиссар поскакал ко святому гробу.

На мощеной мостовой искры высекает,
Чёрной пеной конь хрипит, боками западает.

Сжал наган — казанки аж побелели:
«Святогробцы-сторожа, отворяйте двери!

Если тут беглецы — всех вас расстреляю!»
Шаркает ногами сторож, в замках ковыряет.

Гулким эхом шаги вторят ярой злобе...
Да две тысячи уж лет никого нет в гробе.

Мутным светом осветил день подслеповато
Паутину, пелены, каменное злато.

Стоит, плачет комиссар бессильной слезою,
А вокруг — тишина, как перед грозою,

Только ветер шевелит пыль неживую,
Запевает, начинает песню громовую.

ПАССИЯ, ВЕЧЕР ВОСКРЕСЕНЬЯ

жены иерусалима
чётко послушно усвоили назиданье:
в который раз не плачут
ни о ком кроме себя
и детей своих

храм вздохи
макраме лучей пыли
фальцет акафист
деревянная голгофа
покрыта свежим кузбасслаком
поверх распятия — чёрные
тюлевые рушники

слезит хор
последнее цалованье
скоро по домам

и только Ты на кресте забытый

крест — и есть сама
забытость
то и дело назойливо
всплывающая в мир как рекламный баннер в сайт
постовое делание спасающегося :
не дать раздражению прорваться
смирить в себе этого зверя
не кликнуть курсором в перекрестье:
«закрыть»

НА РЕКАХ ВАВИЛОНСКИХ

Како воспоем песнь Господню
на земли чуждей?

Покаяния двери
отверзи нам, Боже Сил! —
окаяния двери
давным-давно взломали мы сами.
Мы всё, всё понимаем, Боже
(не столько смиренно, сколько вымотанно).
Все суды Твои правы.
Мы ничего не можем, — разве вот только
петь.

Многосмысленные экзегеты
давным-давно истолковали нам простецам,
что *младенцы о камень* — не более чем эвфемизм
борьбы с прилогами,
словожест пиетизма. Тем не менее, —
бойтесь, сыны Едомские!
И вы, дщери Вавилона, — по-за поскотиной,
на каблуках в грязи по колено,
за версту обойти старайтесь
мощи наших деревень прокаженных,
когда глухо, с ошибками, нестройно
по-церковнославянски
звучит в сирых церквушках
оккупированный псалом.

НОВОМУЧЕНИКИ И ИСПОВЕДНИКИ РОССИЙСКИЕ XXI

1

К этой иконе в храме почти никто не подходит,
Поводив над огнём плавким кончиком, в латунное гнездо
Свечу не утверждает.
На иконе — инокиня,
Средних лет, недавно ещё — учительница начальных классов,
Бухгалтер, фельдшер.
Апостольник — земляного цвета,
Нимб — грязноватая охра,
Надписания не разобрать.
Уставленных, по канону, благословляющих ладоней не видно —
Руки сведены за спину, в локтях стянуты крепко.
Сжатый рот заклеен упаковочным скочем.
На груди гвоздями
Приколочен белый картонный ящик
С надписью красным полууставом: «На монастырь».
По бокам её — аллегорические уветливые фигуры Поста и
Молитвы,
Взведшие бельма горé. Выше их —
Одутловатое крылатое Послушанье.
В распахнутых глазах изображённой —
Всё низкое, отреченное, дымное, больное небо
Нашей жизни.
Я глядел в эти глаза две секунды,
Больше не смог. И, как и другие,
Ушёл, не поставив свечи.

2

Антирелигиозный плакат:
«Мракобесы, щупальца прочь от школы!»
На плакате — черная тень многолапого паука
С тенью митры на голове,
Серенький утлый прямоугольничек средней школы
В правом нижнем углу — беззащитен.

Возьми свечечку, брате,
Самую дешевую, за четыре рубля,

Затепли, поднеси к плакату: видишь,
При свете ясно —
Тот, кто казался пауком, всего лишь обыкновенный
Приходской тягловый поп,
Правда, и в самом деле многорукий:
В одной руке — Чаша, в другой — крестильный ящик,
В третьей — венцы, в четвертой — кадило,
В пятой, шестой и прочих — многочисленные послушанья:
Отчеты, рапорты, сметы, счета, налоги,
В последней — семья и шестеро ребятишек.
Тень от митры обернулась
Недостроенным зданием краснокирпичного храма,
Зияющим проемами безглазо,
На согбенный горб взгромоздившимся прочно.
Многорукий, балансирует над пустотой
На острие жизни вечной,
Видно, как дрожат под подрясником напряженные ноги,
Прищуренные очи, слезящиеся от высокогорных ветров, исполнены
Стального вышеестественного смиренья,
На изможденном лбу капли пота его как кровь.

Средняя школа, правда, так и остается
Маленькой средней школой,
На которую у попа рук уже не хватает,
Школой, по-прежнему беззащитной.

3

На иконе строгого режима —
Двенадцать мучеников начертанных
В серых робах,
Стопы упирают в охряные и багровые горки голгофы,
На световидных челах — наколки:
«Причащались с опущенными».
Как положено по канону,
Каждый держит в шуйце орудие своего мученья:
Выточенную из напильника заточку,
Древко швабры,
С помощью коего, вбивая его в задний проход, «делают ведьму»,
Кусок бетонного пола,

На который с размаху, за руки-ноги приподнявши,
Бросают, насмерть внутренности отшибая,
В деснице — маленькое мягкое слепенькое Евангелие
(Издание «Гедеоновых братьев»,
С нацарапанным самодельно на ледериновой обложке
Чернильным восьмиконечным крестом).

Казавшаяся вековечной,
Статистика предательства сими препобеждена ныне:
Среди двенадцати — ни одного Иуды.
Нимбы сияют златом. В ликах —
Новый закон: «Верь, бойся, проси!»
Из сих трёх боязнь пока еще особенно заметна,
Еще боязнь, но,направленная к Небу, постепенно
Переходящая в невероятную радость.

КРУШЕНИЕ ПОЕЗДА

Говорит машинист поезда:

— Я ненавижу православие,
потому что оно не помогло,
так и знал, что не могло помочь:
две недели назад состав
освятили, приходил одутловатый поп
в золоченой чешуе,
с утомленными равнодушными глазами
бесцветного цвета,
скороговоркой басил, брызгал водой,
в кабине моей прилепил
свою раскладную троицу: женщину, еще кого-то и лысого старика.
Вот эта троица — кабина сгорела, а она цела.
Чудо, не нужное никому.
Может, пригодится этому попу
для его пропаганды.

Говорит человек, левой рукой прижимающий к груди оторванную правую:

— Я ненавижу православие,
потому что оно фанатично и мракобесно.
Я бродил в темноте,
не соображая ничего,
и искал свою руку.
А жена — фанатичка, истеричка жена,
она стала такой, когда стала ходить в свой храм,
как я с ней ни спорил, как ни просил! —
не помогала искать, только мешала,
она вцепилась в меня и торжествующе выла:
«За твои грехи, это за твои грехи!
Крестись и кайся, крестись и кайся!» — дура,
чем мне было креститься,
когда я никак не мог найти свою руку.

Говорит маленькая девочка:

— Я ненавижу православие,
потому что меня так научила мама.
Я никогда не видела православие,
потому что папа запретил мне глядеть на него.
Я думаю, что раз так, то оно ужасно.
Наверно, оно зеленое, с кровавыми глазами и желтыми такими клыками.
Я его не видела, но всегда так боялась! (сейчас-то
я думаю, что по правде, в жизни,
его, может, и не бывает — это просто папа и мама
так придумали, чтобы я
вела себя хорошо. Я тогда
была еще маленькая...)
Вот и там, ночью, когда вагон перевернулся,
когда все так страшно кричали,
я никаких православных, никаких таких чудовищ
не видела — там были просто люди,
которым было больно и страшно.
А православия — не было.
Может, думала я, плача, оно возьмет да и приползет на крики,
вылезет из своего логова и, урча, притащится,
чтобы всех сожрать, и меня тоже,
но там был один человек, он крепко обнял меня руками
и громко сказал волшебные слова:

— уста моя отверзох
и привлекох дух
яко заповедей Твоих желах —

Непонятно, но так красиво!
И ночью вдруг стало так светло, как в полдень,
и с неба спикировал бэтмен
и спас меня! такой красивый,
весь белый, сильный, с крыльями золотыми бэтмен,
и отнес сюда, на траву. Все это
произошло так быстро,
и тот человек не успел за мной — металлическая стойка
от вырванного кресла
пробила его насквозь. Так страшно! но я
не боюсь больше. Я уже, наверно,
больше никогда ничего не буду бояться.

ЦАРСТВО БОЖЬЕ

Сын Человеческий возгласил : «Ныне
Вот оно пришло — Царство Божье!»

«Царство Божье? — добре!» — обрадовался Рыбарь,
Взял и наплёл из Царства Божья
Мрежей, закинул их в море,
Наловил видимо-невидимо рыбы
И накормил голодных.

«Царство Божье? — добре!» — обрадовался Пастырь,
Взял и сделал из Царства Божья
Ножницы, и остриг свое стадо,
Из шерсти напрял пряжи
И одел нагих.

«Царство Божье? — добре!» — обрадовался Пустынник,
Взял и построил из Царства Божья
Келью, постом и молитвой в ней подвизался,
Стяжал благодать и ею
Исцелил бесноватых.

«Царство Божье? — интересный образ!» —
потягиваясь, сказал Идеалист,
Задремавший под смоковницей с книжкой.
Оглядев Царство Божье снаружи и с изнанки,
Повертел его так и эдак,
Сложил пополам, потом по диагонали,
Провел ногтем по местам сгиба, и — снова,
И сделал из Царства Божья
Бумажного голубя.
«Вот так-то! — удовлетворенно сказал Идеалист. — Отныне
Ты будешь — Царство Небесное! Уж этот образ
Куда как интересней! Ну, а Царству Небесному
Место известно где — в небе!»
И, прицелившись пометче,
Запустил — ииэхх! — голубя
Прямо в синее небушко, повыше,
Так, чтоб с земли не было видно,

Запустивши, языком пощелкал, подивился собственному
образному мышленью
И снова, устроившись поудобней,
Задремал под смоковницей.

Спит себе — и не видит:
По-над сизым облачком Царство Божье зависло,
Помедлило, и, не захотев в пустом небе остаться,
Вниз стало падать,
Вниз.
И голубком не бумажным уже — железным,
Грозным голубем, рассекающим со свистом
Слои атмосферы, набирающим скорость,
Извергающим на лету огонь и серу, —
И прямо на спящего Идеалиста! Так, бедолага,
Он и не оценил перед смертью
Страшную красоту этого нового для него образа
Царства Божья (впрочем,
Извинить несчастного можно
Тем, что он никогда всерьез не вчитывался
В это место из «Четырех квартетов» Элиота).

ЧАЙКОВСКИЙ, ПАТЕТИЧЕСКАЯ СИМФОНИЯ

Скрррржж, скрррржжж.
Поворот, и ещё, ключа. Дрогнули,
Двинулись механизмы. Пошёл роковой отсчёт.

Шестая: на пять
Невыносимых частей вальс.

Музыка: жалоба,
Стукающаяся , раз за разом, головой
В запертую крышку
Лаковой расписной имперской шкатулки.

...Гранитная ночь. Снег и вода.
Город-коцит.
Не видят, глядят совиные фонари.
Остановись на мосту, подыми (вон,
Вон она — слышно Тебе? — еще не весь вышел завод!),
Потряси, подыши в замок,
Попробуй подковырни ногтем
(Если сумеешь — крышка
Заперта изнутри),
Вытряхни человечка на ладонь.

Окоченевший, серебряный, черноусый,
С поседевшим от слёз взглядом, сузившимся в бездну,
С дирижерской палочкой, в кулачке зажатой,
Маленький дроссельмайер, —
Осторожно, не дрогнули бы пальцы,
Не уронить бы его на мостовую, —
Дзынькнет вдребезги! И не дозовёшься:
Не слышит ни слова — среди его игрушек
Нет единственной на потребу: слухового аппарата.

«Всё, всё, что тебе хотел сказать Я
(Не велеть, вовсе нет, не потребовать,
Не отчитать тебя, глупый!..) —
Самое простое, Свою благодарность
За твои чудесные рождественские подарки, —

Всё в такой ситуации бессмысленно, бедный ты пленник
Ледяной своей шкатулки!..

Ну что Мне с тобой поделать!..
Дай-ка, по крайней мере,
 Хоть немного тебя согрею». — И, раз за разом,
В морозной погибельной ночи вспыхивают
Огоньки: это
Мальчик Со Спичками
Одну за другой чиркает, удерживая коробок
В посинелых израненных ладонях.

И так до утра далеко! Но спичек
Должно хватить.

ДУХ УНЫНИЯ

Праздничный пир
Давно закончен (мяса тельца, впрочем,
Хватило еще на месяц).

Младший брат пытается жить
В отчем доме.

Кое-как приспособился: главное —
Вести себя пристойно, изображать благодарную радость,
Пока отец смотрит.

Труднее всего было научиться
Правилам, которых, оказалось, множество в доме:
Не хватать со стола руками, не испускать при всех газы,
Не спать под кроватью, не мочиться в фикус,
Не избегать душа, не сморкаться на пол,
Не пытаться подсыпать старшему в суп дуста,
Не оставлять следов, когда тайком жрёшь из буфета вкусное ночью,
Не храпеть, когда засыпаешь
Под чтение отцом священной книги, —
Множество «не», — но можно
Как-то классифицировать их, приноровиться.

Все эти «не», думает младший, —
Они и есть смысл жизни в этом доме.
Нарушишь — накажут, исполнишь — награда
(Правда, наград — сейчас и сразу — что-то не видно,
Но это понятно: это вроде
«Морального кодекса строителя коммунизма»,
Только награды отодвинуты на после смерти.
Ловко придумано! Наверняка старший постарался!...)

Тошно, конечно,
Что дни один на другой похожи,
Что иногда ночью
Проснешься оттого, что душа плачет,
Скулит тихонько, будто то ли что потеряла,
То ли сама себя во сне придавила,

Да вот отец: иногда обернешься —
А он молча на тебя смотрит
Глазами, полными нежности и тревоги,
Словно хочет спросить о чем-то —
И стараешься поспешно
Сделать вид, что страшно занят
Еще более точным исполнением правил, —
Но лучше так, чем опять в свинарник,
Куда же идти-то
Дальше родительского дома !..лучше
Уж так.

Лучше уж так. Главное — здесь кормят.
Это главное. Это всегда было главным,
Разве не так? вспомни! — убеждает себя младший,
Из-за того и вернулся.
Ведь верно же, верно?

LEG. X. F.

Старый солдат, я исполнил жизнь честно,
Мои оливы возделают мои внуки,
Долбленая ладья мне по росту,
В туман— трещатые ступни, ладони вдоль бедер,
Глаза отдыхают, накрыты медью,
На груди — глиняный медальон: галера,
Кабан. Десятый легион Фретензис.

К вам, парни,
Краса Сицилийского пролива,
Чьи буцины сотрясали север от Солента до Экса,
Мерно плясавшие , в прахе по щиколотку,
Громовую либитину
На иудейских кровлях, кровью
Исправно отработавшие свое содержанье,
Меднофаллые, гроза рабынь, пожиратели пыли! —
Тени ныне,
Тень к тени, тенью с вами в ряд стану, —
И ты, сын сборщика налогов,
Наш триумфатор, трех императоров сокрушивший,-
Жалкая тень , и ты с нами! Ветер
Аида запоет неслышимую, невыносимую песню, застонет
В этих тростниках, клонящихся долу.

Вдали — берег, полоса пара.
Через плечо перевозчик глянул.
«Уникальное предложенье, эй, смертный!
Могу за мзду небольшую
В очередь на суд тебя пристроить.
Ты ведь был там, в Ершалаиме?
Ты ведь ***участвовал***, верно я понял?
Тебе повезло — знаешь, если
Там, на суде, ты Ему расскажешь,
Как велик и красив был Его город,
Сколько веры и мужества явили
Защитники, Его блудные дети,
Как они брали огонь голыми руками,
Как матери детей на смерть благословляли,

Как седобрадые иереи
Грудью защищали Ковчег Завета
(Потом расскажу, что это такое —
Тебе пустой звук, а Ему, знаешь!..),
Как сильные поддерживали слабых,
Как полегли, но не отступили,
Главное — как каялись перед смертью,
Как прощенья у своего Бога просили
(Знаю, знаю, что не просили ,
Но скажи непременно — шанс уникальный!),
И говори искренно, с простотою,
Со скупой сдерживаемой слезою,
С безыскусным пафосом, слышишь? —
И Он, вполне возможно,
Тебя помилует. Хороший шанс, точно, —
Он на этот счет просто ненормальный.
Совсем недорого! Думай, пока не приплыли».

Мерная, свинцовая вода смерти.
Помилует, — какая глупость.
Здесь, в тен**и** — только т**е**ни,
И я — одна из теней. И мои парни.
Тенью, но с ними.
Суд? Тень солдата
Прощать не за что.

Помню, помню я это проклятое место,
Засохшую гнойную коросту
На заднице великого Рима.
Камни и пылающее солнце.
И эти безумцы,
Которых люди презирают, боги страшатся.
Там мы торчали полгода
(По пятьсот дезертиров в день вздергивая
На кресты, вспарывая
Беженцам пуза — кто-то пустил слух,
Что они жрут свое золото, — байки, конечно,
Золото несъедобно, в пустыне на него не купишь
Ни зерна, ни воды, ни жизни,
А вот детей своих они жрали, сидя в осаде,

Не понимали ни одного человеческого слова,
А ведь ты, Тит, плакал, — плакал!-
Умолял их как отец ! свиньи,
Хуже диких свиней!..) — полгода
И шестьдесят лет после, охраняли руины.
Полегли, но не отступили? Вера,
Мужество? Чушь все это.
Война есть война, таким вещам на войне не место.
Война — грязь, кровь и работа,
За которую платят. Я отработал честно.
А эти...
Они начали первыми, перебили
Гарнизон, потом на улицах стали резать своих же.
Мы пришли навести порядок, всего лишь.
Замок Антония мы взяли в июле.
Храм сожгли, полгорода были наши.
В августе тараны докончили дело.
Кто бы поверил — когда мы с парнями
Врывались в дома в поисках законной добычи,
Там было полно трупов,
Полны гниющей мертвечиной подвалы, —
Они сдохли, пожирая друг друга.
Какое там покаяние! Более упертого народа
Не было от начала мира и не будет.

Это и многое другое
Сказал бы я, да что толку: рот зашит крепко.
Правь, лодочник, брось хитрые бредни!
Тень от теней ныне, мертв, нет мертвее,
Я — старый солдат, десятый
Легион Фретензис. Галера,
Кабан.

ВЕЧНЫЙ ЖИД

В сердце моём — вечность.

Не сохранило сердце моё
Девства, Царства Небесного ради,
Допустило брак —
Брачное моё, бракованное! —
Там, внутри, ныне
Вечно живёт Агасфер.

А в сердце Агасфера, внутри,
Вечно живёт
Вечная жена его Вероника.

Агасфер вечно
В сердце моём идёт,
Меряет мерными шагами мой перикард,
Временами оскальзываясь, попадая ногой
В устье аорты, —
Однообразное сердце моё ! исхоженность его оболочки
Мнится воспалённому уму Агасфера
Не кончающейся никогда.

Агасфер идёт и идёт, угрюмо, ревниво
Вечно думая о Веронике: вот богомолка! снова
Нацепила чёрный плат, длинную посконную юбку, бросила мужа,
Снова не спит с ним,
Снова на пост ссылается,
Снова корит невенчанностью,
Снова потащилась в церковь
Снова читать свой вечный акафист
О даровании вечной жизни!..

На его месте
Любой бы муж возмутился.
Но Агасфер — человек пожитой,
Вечный.
Он уже даже не ропщет.
Агасфер тащит на себе

Свой невидимый. но увесистый крест,
Подобающий мужчине.
Тащит, — и всё идёт и идёт.

Варикозные, взбухли вены.
В варикозной душе — ни надежды.
Вечный путь, шаг — немерян.
Но что-то
Заставляет идти и идти.

Он знает:
Раз в вечность,
Когда Странник придёт к их порогу,
Когда Вероника отворит двери,
Польёт на прободенные руки,
Подаст плат, —
Тогда и он отдохнёт, выйдет
На крыльцо их вечного дома,
Сядет, засмолит папиросу,
Глянет вверх, на невидимые миру звёзды,
Про себя скажет: «Собственно,
Жизнь —
Так и быть — стоила,
Чтобы жить её вечно».

УДОСТОВЕРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

— Стоять! а ну,
Твой аусвайс! так:
Что бродим, Мария,
В час комендантский?
Не знаешь разве —
Каждой Марии
Сесть, прижать
Хвост следует,
Что говорят, слушать?

— Нет-нет, что вы!
Ошиблись: я Марфа,
Я не Мария.
Вот печать, подпись,
Сами проверьте.

— Значит, ты Марфа?
А ну тогда, Марфа,
Шагом марш на
Общие работы!
Взять инструменты,
Живо, живо!
Ну-ка напрячься
Вместе со всеми!

— Марфа? какая
Марфа? вы гляньте
Толком на фото:
Я ли похожа?

Один другому
(Фонарика луч жолт,
Жидок, нерезок,
Мусорный ветер
Рвёт в клочья предутрье,
Сер, неверен
Листок документа
В перстах прозябших,

Ноги свинцовы,
Конец дежурства):

— Эй, да ну, плюнь ты,
Ну её к ляду.
Двинь для острастки
Пару раз в шею —
И пусть убирается.
Я её знаю:
С этой бомжовкой
Только свяжись — сам
Потом не рад будешь.
Всё равно выкрутится,
Семя бродяжье,
Ещё и от шефа
Получишь взысканье.

Тридцать три раза
Мы ее брали
Насчёт проверки
Её документов —
Всякий раз туне.

Уж она такая,
Эта душонка,
Беглянка, неженка.

СЕКУНДНАЯ СТРЕЛКА

скорчился в позе эмбриона
весь-то с ладонь
тощая сизоватая тушка сплошной лишай
кое-где пучки жосткой пепелесой короткой шерсти
как бы шевелятся: вши обложили их гнидами
(думаю — странно
чем там они питаются живой крови
поди нет и двух граммов)
щелки глаз заросли гроздьями гноя
рыльце усы в засыхающей слизи
смрадный язык
сквозь редкие гнилые клычки сер

сипит дышит редко

этот маленький нечистый зверек —
мое сердце

валяется у самой ограды
в канаве в крапиве
мухи роем
стоят стонут
выгоревший безжалостный полдень
светило в зените (от зноя
в глазах будто ночь)

сижу возле него на корточках
притерпелся к смраду

тронуть его сейчас — боюсь: издохнет
не тронуть — никогда
не войдет со мною в Царство Небесное

что-то надо делать
а время время идет
сижу невидяще
гляжу и гляжу на секундную стрелку
наручных часов: вот снова
дрогнула и с громом
передвинулась еще на одно деление

ЧТО-НИБУДЬ ПОЕСТЬ

Побираться в Великий пост — нудное дело.
Особенно — среди православных:
Подают то, что едят сами,
Горсть сухарей, проросшую картошку,
Уваренную до состояния асфальта
Кабачковую икру в баночке из-под майонеза,
В целлофановом пакете — квашеную некогда капусту
В пушистой плесенной шапке.
Смиренно извиняясь,
Шепчут: пища де и питие наше —
Неизреченное веселие в Царстве Духа.

Да...спаси Господи, конечно.
Невесело же ваше веселье.

Впрочем, эти — еще из лучших:
Есть и другие, продвинутые в подвиг,
Те подают скоромное, не вкушаемое самими:
Ситечко комаров, к примеру
(«Убогим и в пути сущим
Не возбраняется»), — иногда ещё, правда,
Волосатую губу, ухо, копыто,
Берцовый мосол — всё, что у них осталось
От съеденного жареного верблюда.

НОВОНАЧАЛИЕ

И., М. и особенно С.

В молодой интеллигентной семье катастрофа:
Ребенок, придя из храма, играет в Литургию.
Девочке четыре года.
Повязав на плечики полотенце,
Посадив в кружок игрушек,
Кукольную посудку ввысь вздымает,
Сведя брови и голос возвысив,
Говорит: «Твоя от Твоих!...» и еще пару
Отрывочных слов, которые детская память
Уловила из вялотекущего чина
Византийского советского обряда,
Раз за разом воспроизводимого в соседнем
Новопостроенном еврохраме
Спального безликого микрорайона.

Увлеченный прецедентом, папа,
Многокнижный, взопревший,
Присев у стеллажей, листает Кавасилу;
Равно многокнижная, но все же мама
Над кастрюлькой с кипящим супом
Воздыхает, очки уставя
В заоконную мрелую городскую супесь:
«Ох, а если духовник, двадцатидвухлетний
Суровый иеромонашек,
Речет: кощунство! на отчитку немедля!..»
Взор мамы
Туманится, суп начинает
Выкипать на плиту.

И только в детской —
Тишина не молчит: звонко, грозно
Поет неслышимыми голосами.
Громче, громче
(Мишка с оторванным ухом,
Зеленая резиновая черепаха,
Кен, срам прикрывший оберткой от чупа-чупса) —

Жизнь начинает жительствовать,
Хоры — златее, мощнее,
Детский картавый голосок дрожит, тонок,
Тянутся в электрический потолок ручонки

— В нощь в нюже предаяше
Себе за живот мира-

И в ответ на биение маленького сердечка
Всепоглощающий, неотвратимый
Дух

— На ны
И на предлежащия дары сия-

Свивается в огненное кольцо, и покорно, нежно,
Неотвратимо
Обрушивается в маленькую пластмассовую Чашу.

ЕГОРИЙ ИЗ СКОТОПРИГОНЬЕВСКА

Ксении Лученко

— А поворотись-ка, сын!
Н. В. Гоголь

И вот наш алтарник вырос,
Уехал от нас в большой город
И, закончив там первый курс семинарии, на вакации прибыл.

Снисходительно пройдясь по храму, ставшему ему тесноватым,
Перво-наперво поразил он
Девчонок из воскресной школы
(На их робкие приветствия кивнув сдержанно,
как младой Тихонов-Штирлиц)
Лощеным кроем черной семинарской пары.
Затем довел до свекольного румянца
Молоденькую сей же школы директрису,
Расспросив, не завели ли еще на приходе
Православного молодежного ночного клуба,
А также и сочувственно заметив,
Что не целовать иконы во время месячных — народное суеверье.
Затем, взойдя на клирос, где шла спевка,
Послушал, вполголоса хмыкнул : «Глас десятый!...
Этот стон у нас песней зовется!» —
И, золочеными очочками блистая,
Прочел наставительным тоном притихшим пенсионеркам
Лекцию о демественном распеве.
Войдя в алтарь, оглядел иконы,
Писанные в синодальное время оно,
На которых упитанные архангелы складчато вздымали
Пучочки белых печеночниц под видом ваий
И газовые горелки с ручками под видом мечей,
Архангелы с ширококостными простодушными важными ликами
(Модели безвестных богомазов, почетные мещане,
Давно упокоились в суглинке, под рябинами местного погоста),
И , скривив губы, молвил:
«Мда!... Скотопригоньевский стиль, вырожденье!...
И где обратная перпектива?
Архимандрит Зинон был бы в шоке!..»

И, наконец, когда обличительно перстом указал он
На деревянного, крашеного в белый,
Голубя над Царскими вратами
И начал: «Упадочная тенденция! Еще на Большом Московском
соборе...»,
А голубь в ответ, не утерпев, метко, смачно капнул
На отутюженный его воротник, попутно
Стеколки очочков забрызгав, —
Так он обиделся, такие рдяные, рясные
Навернулись слезы на пушистых русых ресницах,
Что старенький батюшка рассмеялся:
«Жорка-обжорка! Да какой же ты, родненький мой, большой стал!»
И, потянувшись на цыпочках, поцеловал чадо
В непокорную вихрастую макушку.

ВАМ, БОЯЩИМСЯ МИРОВОГО КРИЗИСА В КОНЦЕ ГОДА

Мир дрогнул, как зарубленная ель —
Как срез вскипел кровавою смолою! —
И рухнул ниц со скрежетом и долгим
Древясным воем (с пепельных небес
Снег техногенный, шопоть , нагасака,
Летел, не долетая до земли,
И испарялся в лазерных лучах).

И сорок дней, покуда совершался
Корпоратив, — рассвет не наступал.

И труп, одет в прозекторский глазет
И в мишуру, в то мертвенно живое,
Что ряженых несытых веселит,
Во тьму агонизирующим взглядом
Шаров стеклянnодутых расписных
Уставился незряче, — и глава
Увенчана рубиновой звездою
(И мир, и град — врагом без бою взят!).
Ни жизнь, ни смерть — воздвигнут на позор,
И сонмы лярв, сояясь в хороводы,
Под терменвокс сезонных распродаж
Завыли: « А! так это ты — наш мир?!!
Ну, докажи! Шагни из крестовины!»

Он не шагнет, когда б и захотел.

Поэтому — и ты, и ты, и ты,
И двое вас, и эти, — шаг назад.
Все обездоленные, попранные тьмою
Конца времен, — за мной из городов!

Замкнувши взгляд и слух, — за мною в ночь,
Погостами проспектов и проездов,
Надгробиями баннеров рекламных
(Куранты заводные прозвяцали
Уже давно нам комендантский час,

Но только не оглядывайтесь — мимо
Мы проскользнем, и ни один патруль,
Что наш не встретит взгляд, не страшен нам).

И — прочь, в пустыню, следом за волхвами.

ПАГАНИНИ, СОНАТА «НАПОЛЕОН»

Вот так и придёт антихрист:
Никого, о никого ни к чему не принуждая, всего лишь
Предлагая манящий образ,
С которым охотно, облегчённо
Вступим в пассивные отношения
И так, и этак, и сзади,
Поначалу ничего такого как бы не замечая,
Увлечённые своими маленькими
Демоническими виртуозными влюблённостями
На одной струне.

МОЦАРТ, АДАЖИО B-DUR, K. 411, ДЛЯ КОНЦА ВРЕМЁН, ДВУХ КЛАРНЕТОВ И ТРЁХ БАССЕТГОРНОВ

Подобострастный администратор
Выложил перед мировым правителем списки
Всех сущих:
«Прошу обратить внимание , владыко, —
Моцарт...»
Антихриста передёрнуло: «И что?!»
«Ну как же... наш несомненно...
Писал музыку для масонов, и всё такое... и наверняка не крестился
Правильным троеперстием...»
Взор как сполох; рык : «На хер!!
Вычеркнуть из списков жизни!»
Администратор, не рассуждая (и его ли дело —
Рассуждать?), пожал плечами, кликнул на клавиатуре
Инкрустированного алмазами ноутбука:
«Дилит».

Его ли, повторяем, чиновьничье дело —
Знать, что правитель
Снова всю ночь в тяжком сне гонялся, но так и не догнал, так и
Не смог укусить за пятку
Плачущего золотым смехом ребёнка,
Танцующего по небу!

ГЭНДАЛЬФ ОЗАБОЧЕННО КУРИТ ТРУБКУ

— Ну, давай, Фродо,
Расскажи всё по порядку...
С чего началось?

— Да ничего особенного...
Вчера перед сном, как обычно,
Я зависал в электронной библиотеке,
Читал эти, ну знаешь,
Комиксы по синоптикам:
Розовые овечки, добрые пастыри,
Весёлое Рождество, подарки,
Братец Иисус, необременительная мораль,
Блаженны веротерпимые, ну и всё такое...
Обычные комиксы
Для начальной воскресной школы,
Одобренные Министерством образования Мордора.

— А потом?

— А потом — вдруг в памяти всплыли
Слова...когда-то, очень давно,
Мне читал их по исчезнувшей книге дядя Бильбо.
И мне так захотелось найти эту книгу!
Ну, я и набрал в Гугле, так, как запомнил:
«Как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцом,
Так и ядущий Меня жить будет со Мною».

— Ну ничего себе!... ты отжог, Фродо!..
Ох уж эти хоббиты: кажется, знаешь их сотни лет, —
А как вдруг удивят тебя, и откуда в них что и берется!
Дальше?

-А дальше...ох, страх вспомнить!
Дальше мой ноут завис, буквы на клаве
Налились огнем,
И Гугл, ощерившись и зашипев как змея,
Уполз.
И страшный огненный глаз возник на мониторе,

И надпись:
«Всем оставаться на местах. Перезагрузка
Бессмысленна». Я так боюсь, Гэндальф —
Откроешь ноут, а глаз
Всё ещё там!..

— Так я и думал! Скорей, Фродо,
Не медли!
Тебе надо покинуть Хоббитанию.
И уходи, повторяю, прямо сейчас:
Девять черных всадников уже переправились через Андуин.
Торопись, они близко!

— А как же мой ноут?!

— Возьми его с собой, Фродо:
Уничтожить его не в силах
Ни эльфы, ни маги, ни гномьи молоты.
Он, как и все эти вещи века,
Должен исчезнуть там же, откуда явился,
Где когда-то был собран:
В недрах огненной горы Ородруин.

— Ой!.. бегу, бегу собираться!
Но, Гэндальф, скажи мне
Только одно:
Что же все-таки означают эти слова,
И что это за книга?

— Вряд ли я смогу объяснить тебе это, Фродо.
Но знай: придёт время —
И всё это тебе объяснят те, кто гораздо белее,
Белее
Гэндальфа Белого.

ДЮЙМОВОЧКА ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ ЗЕМЛИ

«Они могли раздавить Дюймовочку в одну секунду»
Л. Петрушевская «Маленькое и еще меньше»

«...колоски, волоски...»
И. Бродский «Осенний крик ястреба»

Тяжкими рывками ввысь ласточка
Режет и режет неба плоскости,
Под крылами мозоли взбагровлены,
Клюв хрипл, высью выжженные
Очи слепы.

Правь, Дюймовочка!
Третью вёсен разменяв сотницу,
Тонкие руки свив молитвенно
Крестом на груди, лети, ясная
Как серебро.

Старься, постница!
В нитях седин чреп-горошина,
Жестью на кости, на плоти остове,
Платье гремит, ветром дублены
Роз лепестки.

Жирнь, чернь, смрад отринувши,
Посадку ниц запретив себе,
Вечно гонишь птицу, наездница,
Вечной став неба столпницей,
Странницей став, —

Мир, где мор правит сказками,
Где взрыт луг кротовьими норами,
Где принцы жуками уестествляются,
Мир, где ласточки питаются эльфами, —
Не для тебя!

Так встреть смерть в выси, лётчица,
Блёсткой света в синь выпади —

Смерть отрада и деве выдуманной! —
И над землёй сказки подлинной
Каплею кань.

И улыбнётся: «Дождь, надо же!» —
В райском саду осадки редкостны —
Тот, кто из мечты мужской огненной
И из печали нежной девичьей
Родил тебя.

* * *

одним махом
семерых побивахом

прежде чем зачать выносить
выкахать этого любимого
она сделала шесть абортов

шесть нелюбимых: сердцу не прикажешь — так
кажется говорят?

и каждый из них кричал
гневно горько иерихонски жалобно
вопиял к небу

этот седьмой впитал
вобрал в себя их крики
в них зародился

так громко так
непереносимо для слабеньких евстахиевых его труб что он
родился глухонемым

она его так любила своего желанного
и он
так любил ее что
когда подрос и спьяну
избивая до беспамятства
прыгал неверно соскальзывая не попадая ногами
в скрючившийся бок в ребра
казалось пел молча
или что-то в нем кричало и пело
в светящихся (только на эти минуты) смыслом
почти счастьем
бесцветных зрачках

его пьяного шатающегося посреди проезжей части
большой грузовик сбил насмерть

когда его подбросило в воздух — он
закричал как ударенный светом
светлейшим солнца
закричал ушестеренным тоненьким криком
и эти шестеро на секунду воскресли —
и канули снова

ЕДИНОРОГ И ДЕВА

тёмным переулком идет она
почистилась в очередной раз
как ноет зажимает низ живота
хотя врач был спец
маратик всё проплатил
козёл
хотя почему козёл бывают вообще козлы
маратик не бьёт но и денег нет
и не будет
месяц работать за так за долги
врач сказал: всё
матку можешь подарить —
детей тебе теперь не видать
детей блин детей
каких там детей
как это: детей
мама мама кто там на небе есть
мама отвернись не смотри на меня

смотрит вверх
над переулком в аспидной темноте
ярче реклам жгут ночь
четыре звезды
три маленьких вокруг большой
большая — гляди: это звезда полынь
(мама говорила такая всходит к войне
мерещится ё-моё
нюхнуть но нет денег на кокс)
грозно сияет вращается
звезда полынь
не лучи — копья иглы мечи
возмездие-звезда справедливость-звезда
гейм почти овер

грозно спрашивает карающая звезда
у маленьких трех: что
сделаю Я фанту сему?
(сердце потекло вниз

красная вода в глазах)
три маленькие звезды
три леденцовых малыша
встали вокруг большой говорят
безгубыми ртами
плачут выжженными солью очами:
нет Христе нет
только не маме только не маме
чур не считово! мы
так не играем

и звезда стремительно
рушится вниз в переулок

и грозная тень —
чудовище во лбу
острый прободающий рог —
затмила неон
окон глухих огни
выросла на кирпичной стене
приблизилась неумолимо

она бежала изо всех сил
(проклятый каблук хрясь
сердце порвано в хрип)
лужи фонари
все как в кино но какое на хрен кино
жить! жить! жизнь
что ты такое жизнь
кто ты такая за что!
нет! квадратно ухмыльнулся: да
выросший впереди бетон
(сзади — грохот копыт
рог ломающий позвонок) —
это тупик

как в книжке или в кино:
«внезапно безразличие овладело ей» —-
как в книжке или в кино

жизнь ты чужая жизнь
жадно спешила жить чужим
своей — не успела пожить
свою — не умела узнать
вот и вся вина (приговор: виновна)

внезапно
безразличие овладело ей — на долю
секунды
-— и острое горячее жалкое
хлынуло вверх туда
где было когда-то сердце

мама мама! кто там на небе есть
мама повернись посмотри на меня

скорчилась под стеной
лицо закрыла локтем
и тихо приблизившийся грозный единорог
осторожно ласково возложил
на колени в драных — шов пополз — сетчатых чулках
серебристую седую главу

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ТЫСЯЧ ВИФЛЕЕМСКИХ МЛАДЕНЦЕВ

Ученый библеист пожевал губами
И молвил, как молвят малым детям — снисходительно и терпеливо:
«Ну как можно почитать церковно
Четырнадцать тысяч Вифлеемских младенцев!
Ведь вы образованный человек — и вы туда же!
И в трёх городишках, подобных Вифлеему,
Не набралось бы столько жителей, не то что детей!
Миф, миф, это давно известно!
Простецкое благочестие!»

Он развернулся, поддёрнул
Черные очки на курносом тюбингенском носу
И побрёл, палочкой ощупывая дорогу,
Твердо и осторожно ступая
В тени акаций и лип, в пятна
Медового света.

Город, как фонтан, звенел ребячьими голосами,
И дети, играющие в классики, посторонились,
Чтобы дать дорогу слепому.
«Доброе утро!» — но слепой не слышал,
Так как был, в придачу, глухим: учёным библеистам,
Что там, на земле, что здесь, в Царстве Христовом,
Органы чувств, собственно, ни к чему.
Он брёл, что-то бормоча, пожёвывая губами,
Сквозь небесный Вифлеем, многомиллионный
Город детей.

ВЕРТЕП, ЛУБОЧНАЯ КАРТИНКА

...И тут внезапно грянула зима.

Ультрамариновый, серебряный, ржаной
Мы видим Вифлеем: сугробов кучу
Здесь намело, и ражий взвод солдат,
С подвизгом хохоча, идёт на приступ
Искристо-снежного лепного городка,
А звонкие мальчишки отбивают
Атаки метко залпами снежков
(Вон, вон! кентуриону залепили
Весь левый глаз, и, повалив на снег,
Щекочут — а бедняга весь без сил:
Хватает ртом морозный пряный воздух
И просит милости — страшнее детских пальцев
Не видывал суровый ветеран
Всесокрушающего вражьего оружья).

На заднем фоне — видим тёплый свет:
Там, распахнув златой пещеры полог,
Три седеньких взбодрившихся волхва,
Румяные, в обнимку, заплетаясь
Многохожалыми ногами пожилыми —
Гаспар Мтбевари, Балтазар Эвтвимэ
И Мельхиор Минчхи — папахи набок,
В руках — рога с кипящей кровью лозной,
На согнутых локтях — висят корзины, —
Многоголосо затянули : «Алило!»,
И вторит им заснеженное небо.
За ними следом — старенький Иосиф,
Осла седлая, убеждает Мать:
«Э, только до проулка вон того
Я провожу гостей — и вмиг вернусь!»,
И пальцами корявыми козу
Младенцу нежно делает. Младенец,
Завёрнутый — какой мороз! — в рогожу
И виссон, как кочанная капуста,
Благословляюще агукнул старику
(Лица Младенца средь пёлен не видно,

И прочего художник деликатный
Благоговейно не дерзнул изображать).

А вдалеке, за далью и снегами,
Царь Ирод, в бесконечном ожиданьи
Сгрызя все ногти, молвил наконец:
«Да что ж это за место — Вифлеем!
Кого ни шли — все напрочь пропадают!..
Ах ироды, — в браду ругнулся Ирод, —
Ужо я вас!... смеяться над царём!...
Ну, делать нечего — тряхну-ка стариной —
В такую стужу! — да схожу-ка сам...
Эй, кто там!» — эхо гулкое вдали
Услужливо ответило — и стихло,
На кубатуру анфилад дворца
Помножив неодушевлённость зова.
И царь, не смея спорить с пустотой,
Кряхтя, полез со свечкою под трон
И вытащил рассохшиеся лыжи.

ВОСПОМИНАНИЕ О ШЛАРАФФИИ

Эй, вставай, вегетарьянец! К бою, постник и аскет!
В нашей жизни наступает самый длинный мясоед!

Вот под солнышком осенним, на сентябрьском ветру,
Все перчёны, пропечёны и припущены в жиру,

Под окном моим сошлися из Шлараффии-страны,
В хороводе пляшут други лет младенческой весны:

Пляшет в валкую присядку Кус Мясного Пирога,
Костяной стопой вальсирует Куриная Нога,

От сметаны полупьяны (и от уксуса слегка),
Пляшут с гиканьем Пельмени удалого казачка,

Посполитые Шпикачки — краковяк и кэк-уок,
И немыслимое, с сальцем, нечто — Окорока бок,

На крылах гарнира рея, сел мне Шницель на плечо,
Песнь горчичечного мленья в ухо шепчет горячо,

Жирно квакают Тефтели, и, сводя меня с ума,
На густой сопит сопилке чудо-юдо Пастрома:

«Долго Богу вы служили, ели призрачных акрид, —
Послужить и мы желаем, как нам малым долг велит!

А кто малых нас отринет, нас румяных похулит —
Бог алчбою, худобою, злою ржою поразит!

Будет вечность золотая, будет новый Пир у вас,
Там уж будет вам не нужно ни сосисок, ни колбас,

А пока — хотим как другу человеку предложить
Нашу сочную услугу, нашу суть и нашу сыть!

Пусть бульоном, соком, туком днесь исполнятся уста,
Благодарно воспевая от поста и до поста!»

* * *

И мертвец вниз по́плыл снова
За могилой и крестом
А. Пушкин «Утопленник»

Эх, жаль, что во храме Божием
не можно люльки выкурить!
Н. В. Гоголь, «Вий»

охранник храма Христа Спасителя
был поутру найден поседевшим
в помещении Подземного гаража

санитарам вызванной скорой
он рассказал что в полночь
пол гаража стал как бы стеклянным
и сделалось вдруг видно
во все концы света

и тысячи пловцов
полых позеленевших
всплыли со дна
«бесамемучо! вспомни нас вспомни»
молча кричали они сквозь стекло
жабры их трепетали кипятили глубь
изнанку пола пятнали
персты перепончатые

когда несчастный
творя крестознаменье бросился
набрать святой воды окропить страхованье
трубопровод подающий святыню
долго шипел плевался покуда
из него не вылетел как слизистая пробка
человеческий глаз
о двух зрачках

кто вы странное племя
окаянное неприкаянное
образца тысяча девятьсот шестидесятого года!

святые храма чьи печальные лики
тихо светились в грузном златом плену риз
могли бы ответить
но никто их не спрашивал

охранник видимо в состоянии шока
или делирия без обследования сказать было сложно
пускал слюну повторял только
«жизнь наша чаша бассейна
диаметом сто тридцать метров
влей теплоту Спасе
в холодное время года до тридцати по цельсию»
и прочие безумные глаголы

дорогая моя столица
золотая моя
грошовая свечка! наполеон
глин хрящей глубокодонной высосанной памяти
волглый древний пирог слоёный

атлантида на атлантиде

* * *

Ходдиону

агентство новостей сообщает
вчера в музее современных искусств
религиозным фанатиком (имя
в интересах следствия неважно)
был совершен акт вандализма

как сообщил охранник музея
на его вежливые призывы
«дедушка здесь не храм здесь
нельзя молиться
отрежу руку!» — неизвестный не реагировал
встав на колени
возле «Чорного Квадрата» Малевича
вандал совершил перед шедевром абстракционизма
земной поклон

после чего на чорном
появился крест светоносного цвета
маньяк задержан

руководитель группы экспертов
в интервью сообщил что процент вероятности
восстановления бессмертного шедевра
к сожалению невысок

тщательные исследования креста
(углеродный анализ взятых соскобов
биохимическая проба по Стокеру-Недотыкомко
прочие методы)
внятных результатов не дали

установлено только как пояснил ученый
что вещество белкового типа
четвертой группы

ведется следствие

особую (комментирует ситуацию
обозреватель агентства новостей)
озабоченность налогоплательщиков
вызывает тот факт что данный
неединичный случай
вновь подтверждает несовершенство действующего
законодательства в области этого
перед лицом Того

СОБОР НЕБЕСНЫХ СИЛ БЕЗПЛОТНЫХ

— Это был старый партиец,
Прошедший лагеря и чистки
Все до единой,
Он знал, о чем говорил, поверь мне!
В августе сорок шестого
Он был из тех, кто повел дело
«Ленинградской секты».
Именно он и видел,
Как расстреляли Ахматову:
В том, сказал он, самом
Коричневом углу между будуаром и молельней.
Дуло нагана
Долго не могли вставить
В рот — так плясали зубы
Человеческой женщины.

Собеседник,
Недавнего призыва иерей, а еще ранее — недавний
Выпускник филфака,
Розовощекий специалист по Серебряному веку,
Фыркнул так, что едва не подавился портвейном,
Весело, сторожко, близоруко
Отставил в сторону пластиковый стаканчик:

— Отче, ну вы даете!..
Ну-ну!... а потом он, поди, поведал,
Что в последний момент Ахматову подменили
Инопланетянином с Альфы Центавра!..
Где, говорите, было дело, —
В психушке?

Старший посмотрел ласково, терпеливо,
Как смотрят на малого ребенка,
Перекрестился и выпил
(С некоторых пор он не мог без крестного знаменья
Потреблять портвейн из современных виноматериалов):

— Не в психушке, в обычной
Онкологии. Если б
Не рак — старик дотянул бы до ста двадцати,
Так он был свилеват, трезв, крепок,
Как дай Бог нам с тобой, отче, — впрочем,
Нет, лучше не надо давать...
И с мозгами у него было всё в порядке,
Даже слишком.
И — ты почти угадал, кстати.
Именно так: в последнюю минуту
Ахматову подменили.
Не зеленым, конечно, человечком —
Как только лязгнул выстрел,
Бог послал на ее место
Небесную сущность, имеющую вид
Стройной и надтреснутой, как рапира,
Выбитая из рук в поединке,
Царственной женщины, вдовы Петербурга.
Вот тогда я впервые, от этого деда-чекиста,
И услышал имя
Архангела Тихоила,
Что означает: «Молчание Божье».

В двадцатом веке в России
Бог так всегда делал,
Когда пытались расстрелять поэта.

Они помолчали.
Молодой решительно,
Сняв зачем-то очочки в металлической оправе,
Взял свой стакан и замахнул залпом.

— Так выходит — все они?..

Старший кивнул:

— Именно. Ну, или
Почти все.

Молодой вернул очки на место, нахмурил белесые бровки:

— Позвольте...а как же тогда, к примеру,
Гумилёв?

— Гумилёв? Он отказался.
Настоящие русские офицеры, ты же знаешь,
Имеют право
Повелевать Архангелам.

Они помолчали еще. Молодой, прищурясь,
Снова спросил въедливо:

— А как, отче,
Вы можете это всё пересказывать — даже
Хотя бы и мне? Ведь дело
Было на исповеди? Как же
Тайна таинства?

Старший улыбнулся едва смущенно
И ответил, следя за перевитой,
Как лиловое свёрлышко, струйкой вина, цедимого из пакета:

— Так видишь ли, исповеди,
Собственно, не произошло.
Старик ни в чём не каялся. Действительно,
Совесть его была кристально чиста —
Я не разглядел ни потёртости, сколько
Ни вглядывался, — уникальный случай.

ОТШЕЛЬНИЧЕСТВО

— Итак, еще раз
Напоминаю правила:
Бегайте людей и спасётесь.
Начинаем:
Раз-два-три-четыре-пять,
Я
Иду искать!
Кто не спрятался — Я не виноват.

-Э... Э!!
Господи! смотри, смотри,-
А этот что?!
Чего он высунулся?!! Его всем видно!
С кем это он там разговаривает? Чего
Он там делает?!!
Еще и сияет как медный грош!
Или ...как не знаю что! А,
Господи?!!
Ты же его застучишь?
Он же теперь будет голить?
Он же за это больше не будет с нами играть?
Мы же надаём ему щелбанов?
Ну что Ты молчишь?
Господи, так не считово!

— Ты, милый,
Себе внимай. Сам-то
Чего вылез? Залезь обратно.
Залез? Вот и сиди.
И, пока сидишь, подумай,
О чём Я вам вчера говорил:
Спасение и святость — не одно и то же.

КЛЕЙМО ИКОНЫ «ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ В ЖИТИИ»

Глянул в окно, в вечернюю синь — небо
До окоёма покрыто стаями
Белых птиц! к югу, из осени,
К Солнцу Правды
Лёт свой вершат победный.
И Голос рек:
«Как эти птицы, любимиче Мой, умножатся
Ученики твои
В монастырских обителях светлых,
Сергие, на Руси!»

«Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!

Но...вот пролетели,
Скрылись... о Жизнодавче,
Что это?! это — отколе?!
Вслед им ползёт пернатая туча вполнеба —
Черносмрадные враны летят!
Боже, гляди: жирные, лёт их свинцов,
Блесые очи слепы,
В перьях кишат паразиты,
Хриплый их харк затмил
Стаи сияющей свет.
Мзглы над Русью крыло, нечем дышать!

Милый мой Боже, — тако
Ведь да не буди, не буди?!»

Голос молчал. Небо
Не выдержало — заплакало
Ржавым октябрьским дождем,
По-детски лицо уткнув
В ворохи комариной листвы,
В лапы седые елей,
В мох, в прель, по щекам размазывая
Бурую грязь, тягучие
Сопли веков.

В пол земляной кельи
Пал, плачешь и ты, Сергие,
Отче наш преподобне,
Игумен всея Руси,
Игумен всея тоски, песни,
Игумен всех слез, всего низкого неба,
Всех сирых полей, рощ,
Тягучих берёзовых снов, огненных пробуждений,
Игумен всей нашей веры, нашего хмеля,
Всех наших постов, отречений, вил,
Впоротых в брюхо времён,
Игумен смиренья и тихой, бледной нашей любви.
Не плачь, преподобне! вон, видишь —
Дождь перестал, иссяк,
Миновала и черная туча ворон, а за нею —
Что там в полоске заката?
Три маленьких, смелых, отчаянных,
Три вестника
Милости Божией к нам,
Взоры их ясны и строги, грудки их светятся алым, —
Отче! это летят снегири.

О снегири!
Русские фениксы, верные слуги
Чистой, снежной, суровой,
Убеляющей грязь, тлен,
Справедливой зимы, — предтечи
Вечной весны!

ДЕНЬ РЕЗИДЕНТА

Святителю отче Николае! Днесь тебя почитаем мы,
Пожилые разведчики-пенсионеры,
Как своего патрона. И не диво:
Был ты резидент— виртуоз, штирлиц во святой плоти,
Когда по светской легенде
Простоватого гнома-переростка в красном
Вошел в мир безбожной Европы,
Чтобы нести узельцы три игрушечного целлулоидного злата
Детям, хитро уминая лекарство
Заповедей Христовых
В плоть паточной нуги
Ежегодного хорошего поведения.

Когда кровавые акулы империализма
Тебя раскололи, о священнохитрче, — ты извернулся
И, оставив в их стервяжьих когтях
Шкурку своего доппльгенгера,
Сбежал в СССР.

О как ты мчался
В вьюжной финской ночи, как храпели,
Запрокинув рога на спину, четыре
Апокалиптических оленя,
Как скрипели , юзя по закатанному
Млечному Пути, добрые сани,
Как, не дрогнув
Узловатой крепкой старческой рукою, не моргнув голубым глазом,
Метко целился ты в снежную слепень
Верным своим серебряным маузером,
Сияющими фейерверками отбиваясь
От хриплой волчьей погони!

И здесь, в пропятой России, ты, Чудотворче,
На пару с Шефом своим, Искуснохитрецом Богом,
Новое явил чудо:
Изловив злого рецидивиста,
Языческого хтонического брадатого людоеда Мраза,
Вы его распотрошили, перевербовали,

И под его личиной,
Всё по той же почти, немного подкорректированной легенде,
Ты стал действовать снова,
И засияли по всей Руси твои ёлки,
И заплясали плюшевые зайцы,
Запахло смирной, хвоёй и райским мандарином,
Забили малиновым благовестом куранты,
Засияли восьмерично лазурным рубиновые пентакли,
И зарычали пугливо, поджали хвост чёрные маруси,
И в злых напевах ведьмы-пересылки
Переломился, дал петуха голос,
И затеплились в воинствующей атеистической сугробовой тьме окна
Сказочных избушек! И велия милость,
Сострадание, смирение, дружба, честность, жертвенность, радость,
Вера, любовь и надежда
Вошли к детдомовским коммунным сиротам
Преддверием Рождества.

Поэтому в зиму трижды —
На Николу Зимнего, в Новый год и на Рождество Христово —
Мы, пенсионеры, бывшие разведчики,
Бойцы невидимого фронта добра,
Собираемся в кругу детей своих и внуков,
Подымаем свои бокалы, кто со спиртом, кто со слезою,
И из всех силёнок пожилых сердец славим
Профессиональный свой праздник,
Великое искусство небесной разведки,
Правило веры и образ кротости,
Мы, старая гвардия, не умираем, но сдаемся
На милость Победителя Бога,
Сдаем ему все наши пароли и явки
(Словом, делом, помышлением,
Чувством, толком , расстановкой),
И, поя Тому застольное «Аллилуйя!»,
Не забываем и припев песни:
«Радуйся, Николае, великий Чудотворче!»

СВЯТАЯ РАВНОАПОСТОЛЬНАЯ МАРИЯ МАГДАЛИНА

1

-ну и кто ты мне, правда?!
пришёл я в дом твой —
воды ты не дала мне на ноги
а любовь облила мои ноги слезами
и волосами головы своей отёрла

на меня ты, правда, косяка даванула
из-под праведного своего подлобья
только и знала кости мои пилила
мотала мои нервы мозги засирала
а любовь с тех пор как вошёл я
не перестаёт целовать мне ноги

постного масла ты, правда, пожалела
на мои власы и столовой ложки
а любовь драгоценное миро
на мои власы возливала

потому ей всё и прощаю
что она возлюбила много!

-дурак ты, — правда сказала
я ведь всё делала по правде
иначе я не умею
для тебя дурака старалась
чтоб тебе же было как лучше
неприятно зато правдиво
чтоб имел ты жизнь и с избытком

да и сказать по правде
чего любовь твоя стоит
(извини неподходящее слово —-)
во что бы любовь твоя превратилась
во что бы тягостное больное
в надрывное склизкое какое

если б была она любовь без правды?

— эхх... и то: твоя правда
по правде-то так я и думал

ты прости меня Божья правда
не могу я без вас обеих
от обеих вас изнемогаю
от тебя уйду — к тебе тянет
с тобой лежу — её представляю
может и правда попробуем снова
жить вместе ?

вздохнула придвинулась ближе
носом посопела на плечо мне голову приткнула
— говорю же — дурак ты
ты позвони ей я же не против
пусть не боится приходит
сядем за стол посидим трое
порешаем наши проблемы
только учти: разговор будет серьезный
разговор долгий думаю — вечный

2

висит на стене софринская иконка
выцветшая небольшая
закоптило ее время
прицелился в нее из рогатки
волосатый рогатый парнокопытный
ден браун

на иконке — смуглая святая
светло сияющая
грешная из Магдалы Мария

глаза ее — озёра смущенного света
нос с горбинкой прям тонок
скулы вдохновенно румяны
власа смиренно мафорием покрыты

в руке — символ Церкви:
хрупкая алавастровая скорлупа канонов
предмет камней стрел нападок
внутри в сосуде — миро Духа

не дать скорлупе лопнуть
не пролить в грязь миро
но и не дать ему прокиснуть
излить всем чающим Духа
всем труждающимся и обремененным
всем алчущим и жаждущим правды
всем лохам лузерам милостивым и кротким
увечным недостаточным страстным
всем плачущим безутешным
всем изнемогающим от зноя
плавящегося свинцового века
всем паршивым овечкам Христовым

вот кому ты Церковь доверена ныне!
той которую все на «б» звали —
бывшей бесноватой блуднице
убеленной яко снег яко во́лна
слышавшей то что несказанно
в предутренней тишине сада
у могильной пещеры

не сильномогучему мужу
не царю не патриарху не гуру
не провидцу не полководцу
не брутальному мачо не аскету чьи как крыла плечи —
ледащей смуглой бабской бабе
исстрадавшейся святой из Магдалы Марии

(как в зеркальце в эту икону
вот и смотрись и трепещи душа-христианка
поганка прескверноде́йка
смертно возлюбленная юница Христова

почти такая же ты только без нимба)

ИЗ ЖИТИЯ ХРИСТОФОРОВА

Неразсуднии иконописцы обыкоша нелепая писати, якоже св. мученика Христофора с песиею главою, еже есть небылица.

Свт. Димитрий Ростовский «Розыск о Брынской вере»

«И вот,брате и сотаинник, два дня тому как
Велие поругание было всей святой обители нашей:
Когда братия правила повечерие в храме,
Святые врата обители отворились,
Въехало в них облое злочудище «Хаммер»,
И вышел из него, шурша шелковой рясой,
Блестя златом очочков, новый наш игумен,
Присланный из епархии намедни,
А он — не игумен, а лжеигумен,
Волк хищный, злой обновленец,
Распудитель овец православных,
Иннэнист тайный, слуга закулисы,
Разоритель святоотеческого преданья! —
И вниде в храм, и уставив
Ноготь, лоснящийся маникюром,
На древнюю чудотворную икону
Святаго мученика Христофора Псиглавца,
Икону, от которой
Множество истекло святаго мира
И дивных произошло исцелений,
Рек враг сей: «Отцы и братия! ныне
Начинаем мы возрождение монашеской православной жизни
В духе и истине. А для начала
Вынесем-ка из храма и уничтожим
Сей несмысленный образ, писанный безграмотными простецами,
Ибо невместно христианину
Зреть нимб вкруг головы собачьей!»

И с велиим плачем
Два трудника сняли со стены святой образ —
А старцы в тот миг узрели,
Что вместо мира кровь на образе проступила! —
И, отнеся на хоздвор, топором изрубили
И предали огню. И вот, брате,
На сем и конец святой обители нашей,

И утверждение здесь мерзости запустенья.
Так что я собираю манатки
И ухожу послушником к нашим старцам —
Они вчера еще, набив мешочки горохом,
Удалились в леса. А ты, брате,
Как послание мое сие получишь,
Доподлинно знай: время последнее наступило,
Антихрист рыщет, иский кого поглотити,
Нет на Руси ныне нигде благодати,
Так что запрись в своей келье,
Стой там в вере и покрепче
Держи Преданья».

Кое-как, с трудом, за четыре раза,
Переправив текст эсэмэски,
Послушник запихал в спортивную сумку
Подвижнические свои пожитки:
Мобильник с нацарапанными на крышке крестом и голгофой,
Два тома «Добротолюбия», Канонник, ламинированные иконки,
Банку сгущенки, запасные носки, намотал на руку чётки,
Вздохнул, перекрестился на опустевший угол кельи
И вышел вон.

Пригорюнилось над монастырем небо,
Нахмурилось сиреневой тучкой,
Задождило дождиком на праведных и грешных,
На кучку золы, оставшейся от сожжённой иконы.
И се, из золы вышел, отряхнулся
И сев, почесался
Чёрненький пёс, надседый и усатый,
Небольшой дворняжьей породы,
Хвост бубликом, с двумя в нём репьями,
Одно ухо вверх, другое долу,
Пёс-мужичок, пожилой, кроткоглазый.
«Эх, братия вы христиане,
Человеческие вы ангелы, ангельские человеки,
Вразуми же вас Господь!... нечего делать:
Пойду я, содействующу Богу,
Миссионерствовать дале —
К тем пойду, кто меня, может быть, примет».

И пёс затрусил прихрамывающей рысцою
В сторону дальнего барака, где обитали
Гастарбайтеры, вечно голодные корейцы,
Возводящие для монастыря теплицу.

БАНОЧКА «КЛИНСКОГО»

Я — баночка «Клинского»,
Простая баночка «Клинского»,
Небольшая, примерно ноль пять,
На пятиминутную небольшую усладу я создана,
Уютно, кратко мне жить
В объятьи крепкой человечьей ладони,
Радостно, пузырчато всё до капли отдать
Пересохшему горлу,
Ничего не оставив себе. Ради этого
Я и живу.

Но вот — пост наступил,
Великий и святой пост наступил,
И человек, вынув меня из сумы,
Задумался — вспомнил
Правило аскезы святой:
В пост не иметь излишеств, а если вдруг завелись —
Отказаться от них и отдать
Неимущему ближнему. Так он и сделал:
Из рук в руки с поклоном меня передал
Соседу. Но этот сосед
Был тоже аскет, и, вздохнув,
Он передал меня третьему аскету, третий —
Четвертому.
И так по кругу из рук в руки передавали они меня,
Так что даже тельце мое не по-хорошему нагрелось слегка,
И никто за колечко моё не потянул,
Никто не дал мне исполнить мою небольшую жизнь,
Никто не воскликнул приязненно: «А!
Баночка «Клинского»!»,
И,когда до последнего я дошла,
Он, увидев, что никто не прельстился мной,
Размахнулся и выбросил меня
Подальше с глаз, во внешнюю тьму.

И смертного плача моего,
Отчаянной, горькой мольбы
В бледнозлатом прозрачном сердечке моём,

Никто не услышал — ведь я
Простая баночка «Клинского»,
Вдруг оказавшаяся в ненужности никому,
И я не умею быть услышанной
Постящимся ухом.

И тут — о чудо! —
Выступил из темноты и к ним подошел
Их воскресший Учитель,
Тихий, радостный и живой,
И сказал, улыбаясь : «Мир вам, дорогие Мои!»
Ух, как они испугались сначала! Даже,
От неожиданности онемев,
Разинули рты.
А Он говорит : «Это Я, не бойтесь!
Приидите, обедайте!
Ну-ка, что тут у нас? Вот — хлеб, и рыбы,
И янтарные соты мёда!
Видите, — это же Я!»

И ах, как они обрадовались! Запрыгали у костра,
Заговорили все разом наперебой,
Засуетились, плача от ликования,
Толкались, мешали друг другу, стремясь Ему услужить, —
Этакая поднялась кутерьма!

А Воскресший
Поглядел по сторонам — и
Увидел меня.

И, ласково мне подмигнув,
Громко спросил:
«А вот еще кстати: нет ли у вас,
Возлюбленные Мои,
Баночки «Клинского»?
О, Я бы не отказался сейчас
От баночки, баночки «Клинского»,
Такой небольшой, немного помятой,
Увязнувшей на две трети в песке,
Простой баночки «Клинского»!»

ЕДИНОРОГ

Жизнь навалилась? — давай-давай, рогом упирайся! Ах, не можешь? рог обломался? так у тебя второй есть. Откуда? — да брось! Смирись да признайся хоть сейчас-то, что какой уж ты там величавый весьвбелом волшебный таинственный геральдический единорог — ты просто самая обыкновенная сидорова коза, бесстыжие глаза, за шиш с маслом куплена, все бока луплены. Стыдно? — ничего! Со стыдобушкой-то оно — спасительнее будет.

направо — агнцы
налево — козлищи
а гордого единорога — вроде как некуда

так и стоит посреди
в нелицеприятном свете прожекторов Суда
от напряжения поджилки дрожат
но марку пока держит
губу закусил не плачет
на Судью чтоб слезами себя не выдать типа не смотрит
и Судья на него не смотрит листает Книгу Жизни
молчит
и все остальные молчат

листает медленно
тщательно водя перстом
проглядывает страницы
тянет время — жалко дурня
да только в Книге Жизни —
ну ни единой картинки
с горделивыми геральдическими единорогами

(других подходящих впрочем тоже
нету картинок:
в эпоху чести и ристалищ
традиции изображать на гербах
нищих духом животных
видимо как-то не сложилось)

и вот в тот самый миг
когда горючая
детская по сути
слеза таки не выдержала и покатилась
оставляя некрасивый мокрый
след на холеной серебристой шерсти
Судья захлопнул книгу
улыбнулся мудро и нежно
светло как первый дождик в апреле —
и принял решенье.

* * *

Между Пасхой и Вознесеньем — на небе
Светлое время покоя,
Тихие бессобытийные выходные.
Ангелам-хранителям, самым младшим,
Дают небольшой отпуск —
Восстановить силы, отдохнуть
От человеческого.

Безделье, конечно,
Ослабляет внутристроевую дисциплину —
В этом ангелы и люди похожи.
Вот и сегодня
Двое новобранцев, юных, конопатокрылых,
В самоволку сорвались, оставили расположение части,
Пробрались безбилетниками в летний кинотеатрик
На сеанс до шестнадцати
И, притихнув в ветвях сирени,
Смотрят, многоочитость разинув, себя не помня,
Фильм ужасов «Небо над Берлином».

* * *

помянник «о живых» пройдя до середины
я слышу хруст страниц
въяве вижу
вас схрустываемых одного за другим
это цепная Божья смерть
выкусывая блох то и дело
выкусывает плоть

погромыхивает чугунная цепь

мы ещё увидим её
в конуре возле райской проходной
шерсть свалялась дыханье вязко хрипло
бока ввалились
фосфорная седина вокруг преданных тусклых гноящихся глаз
вот о смерть ! весь твой век

не бойся брате
перешагни и входи: она
уже не укусит

мы снимем головные уборы
постоим молча проникнемся
светлой минутой
глядя
как Господь осторожно берет её на руки
— пытается лизнуть и не может —
и медленно несёт к ветеринару

«спи дружок
отслуживший честно»

магния сульфат отплывает в путь по венам
слабеет падает давленье крови
райские минуты блистательно шествуют

и смерть делает рывок прыгает
в бездну жизни
вытянувшись и закостенев в прыжке

ФОНАРИК

Юлии Бродовской

Соль больше не солона, думают волхвы.
Сыпь ее в снег — не растопит.
Удерживающий — взят, ныне
Только лютый мороз кое-как еще держит
В костяной горсти
Цепенеющий мир.

Думают — но идут.

(Верблюды пали в снегах.
Дары внутри рукавиц
Примерзают к старческим ладоням).

Наш Младенец давно родился, думают волхвы,
Давно Он убит и воскрес. Все это было давно.
Его нет здесь — теперь уж разве что
Околевший мир
Воскреснет к Нему. Нам ли
Ведать времена времен.
Все эти сроки.

Думают — но идут.

Тысячу лет
Ни одна звезда не светит в морозной мгле.
Но они видели слабый, прерывистый —
Три кратких-три длинных-три кратких —
Свет на востоке. И они пошли.

Может, это Вифлеемская звезда, думают они,
Снова зажглась для нас
На макушке рождественской ели
В дальнем волшебном лесу
Заповедной юности нашей, —
Думают они и сами же
Горько усмехаются такой глупой мысли
В ледяные сосульки усов.

А может, думают они и идут, и идут, —
Там люди?
Людей, как и звезды,
Они тоже не видели тысячу лет!

Ну ладно, не люди. Не люди.
Может, хотя бы один.
Может, хотя бы, думают они,
Это, например, маленькая девочка.
В огромном городе никого нет,
И в старом огромном доме никого нет,
И все взрослые давно ушли в стылую ночь,
И кроме нее нет вообще никого,
И в огромной холодной детской она одна,
А дверь заперта на ключ,
И она ничего не знает ни о Младенце,
Ни о смирне надежды, ни о ладане веры,
Ни о злате любви,
Да и откуда бы ей знать,
И она еле жива, думают они
(Нет! враз, перебивая друг друга, подумали они,
Нет! жива, она жива! Пусть
Она будет жива!),
И в доме отключен свет, телефон, газ,
В ее коротенькой жизни отключено всё,
И окно детской затянуло льдом,
Но у девочки есть
Старый фонарик.
Такой,знаете, жучок,
Без батареек,
Который работает от пожатия руки,
Слабенько, но светит.

И вот, думают друг другу волхвы
И усиливают шаг, вязнут в сугробах,
Но идут и идут,
Она продышала во льду кружок
И фонариком шлет сигнал,
Наудачу, как в детской игре:

«На кого Бог пошлет» —
Три кратких-три длинных-три кратких,
И детское сердечко слабеет, но память пальцев крепка,
Лишь бы еще на немного
Хватило терпенья светить,
И значит, думают они,
Надо непременно идти,
Погиб там мир или как,
Лишь бы она жала и жала жучок,
И вообще всё будет, возможно даже,
Некоторым образом спасено — лишь бы
Не гас фонарик.

ОТЕЦ И СЫН ПРАЗДНУЮТ ВОЗНЕСЕНЬЕ

— А что, Авва Отец, Ты-то Сам
Исполняешь Свои заповеди, или как?

— Сынок! что за вопрос!

-Ага. Значит, шуйца Твоя
Не знала, что делала
Десница?

-Само собой!... погоди-ка.
Ты... это к чему?

— Хм!... (улыбнулся слегка смущенно) —
Выгляни, Авва, за дверь.

Скрипнуло кресло, — встал,
Щеколда пропела, дверь
Отворилась во тьму.
И из снежной тьмы — тьмы и тьмы,
Шмыгая между ног,
Толкаясь в проеме, теснясь,
Ринулись внутрь, к теплу очага,
Прямо так, не вытирая ног,
Не стряхивая налипший снег,
По белёным половикам,
Вытирая хлюпающие носы,
Дуя на иззябшие кулаки,
Плача, радуясь, гомоня,
Толпы и толпы заполонили дом,
И нестройный хор заговорил, заныл,
Заплакал, захохотал, запел:
«Мы с Тобой одной крови — Ты и мы!»

— Да, Сынок!...
Только шуйцей да десницей и развести!
Не знаю, что и сказать.
И что же Мы теперь
Будем со всеми этими делать?

— Что делать, Отец? Как что —
Праздновать дальше!
Эй, наливайте все!
С праздником вас,
Любимые братцы и сестрицы Мои!
С праздником, Авва, с новым годом и Нас,
С новым — скоро, скоро уже
Часы двенадцать пробьют —
Царством Будущего Века!

ЧАЯ ИНДИКТА

Как не было ночи!
Утренник хрусток,
Бодрящ, добр,
Краюхи коркой
Ломк, сытен, —
Сим утром россы
Безгрешны проснулись,
Свежи как дети,
Се, новь ныне,
На луж льдинках
Следов несть, —
Демоны века
Дороги не сыщут,
Нет пути в нети
Злата, лал, хлада!
Журавлин, рябинов,
Пуст крест днесь Твой.

Передых, Спасе!
Се, венец лета
Твоея несмерти!

Единое только
Паучок-сердце,
В сребро вцепившись,
Паломником лёт держит
В верховья света ,
В багрец, звоны,
К сини гробницам
Ерусалим-неба.

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

* * *

прилагательное «русский»
дверь котора дверь
ведет в райский сад

ой неси ты меня двуглавый орёл
за моря за леса искать райский сад
молодильные яблоки скатерть самобранную

говорит иванушке двуглавый орёл:
глянь-ко вниз какова-то русь
глянул вниз иванушка — с овчинку русь

говорит иванушке двуглавый орёл:
ослабел я не евши не долечу
накорми-ко меня добрый молодец
отвечает орлу иванушка:
ничего на мне не осталося
в голых костях моих свистит сиверко
всё скормил тебе орёл-батюшка

говорит орёл: режь голову

голова твоя хоть не так сытна
да деваться видно тебе некуда
не соскочишь на лету с такой высоты

закручинился да поздно иванушка
на булатный нож свесил буйну голову
с белым светом прощается:
ой прощайте вы царства вы царства мои
золотое серебряное медное

четвёртому не бывать

Н— СКОЕ ВОДОХРАНИЛИЩЕ

— Васенька, сынок, выдь на бережок...
Разгреби в ряске оконце:
Тут я, на донце.

Злая мачеха потопила меня за так,
Привязала к ноженькам четвертак:
За чорную волю, за колхозную долю,
За колоски, за ноченьки вдовьей тоски,
За неподнятую горбом целину,
За полюбовника-немца, за суку-войну,
За всю весну.

Ой не спится мне сынок, не лежится, —
Васенька, дай водицы!

-Мамка, мамка, завязывай сниться!
Какой тебе воды, — ты и так под водой.

— Это — мёртвая, Васенька...
Дай — живой.

ВЫШИВКА

і рушник вишиваний на щастя на долю дала

из скрыни ты мне мать вынула
девичье моё приданое
крепенькое полотно
сучёное льно

вышивка железным крестом:
Каин в кожаночке Авель в рядниночке
оба рядком
у Каина изо рта — слова:
«ой народна рожь
хорошо поёшь»
Авель беленький Каин буренький

с боков перепёлочки

справа — теми же вилами
выдернутыми из братцева пуза
(два маха — осьмь дыр)
пишет Каин по румяной руде-лужице
закон от седьмого-восьмого-тридцать второго

по центру внизу — вредители
с сумами апостолы
полем идут крадче
колоски восторгают
сзади их фарисей-объездчик
имает карает
лошадка его красненька
зол-кнут золотенек

все в полупрофиль все плоские
глазки полудуга-точечка
ротик полудуга просто
все как бы улыбаются

по краю полотна алые петухи подпущены

где вверху Богу Саваофу быть —
там вся картина повытерта
все нитки повылезли:
на том рушнике венчалась-стояла прабабкина мать
да бабкина мать
да материна мать
да мать

знать
пора и мне
да, мать?

КАРТИНА «ДЕВЯТЫЙ МАЙ»

солдат берёзоньку зарезал
сапожной шилою проткнул
молочной кровию прозрачной
он солдатёнка напоил

чиста та кровь и не содержит
в себе кровавыя души
а вся душа её в солдате
в его ль во песнях золотых

а и берёзоньке не больно:
девичья беля не болит
сочится в горлышко мальчонку
да к небушку не вопиет

ай где ж ты родина родная
куда ты папку забрала! —
мальчонок плакал всё голодный
всё кровь берёзову сосал

берёзка вечная стояла
под ней нежив лежал солдат
и во груди его зияла
медаль за взятый китежград

ЦЕРКОВЬ И ЕЕ ДЕТУШКИ

Любит Матушка своих детушек,
Кормит-ростит их, пестует,
Кровоточит, терпит, пошлепывает,
Водит их за белые рученьки,
Ставит их на резвые ноженьки,
Распрядает им пряди русые,
Русые, да смоляные, да рыжие,
Поет она деткам, причитывает:

«Ой вы детушки мои, орлятушки!
Ой вы буйные горячие головушки!
Полно вам гомонить да на особицу,
Полно лётывать во мечтах-воздусях,
Полно черными подпольями лазывать,
Лазывать да реформы задумывать,
Задумывать да покрикивать, погаркивать,
Братцев-сестер поталкивать,
Темну воду во облацех помучивать,
Полно сабелькой вострой помахивать,
Да и меня стару стариной пенять!
Вы кладите сабельку, мои детушки,
А и берите вы ведерце серебряно,
Ведерце серебряно, дужки позолочены,
А и не борзяся, со смирением,
Со смирением, да и со тщанием,
Разгребайте ведерцем зелено говно,
Потрудитесь для своей Матушки!»

Ох, не слушают детушки Матушку,
Детки всякие, неоднакие,
Детки кровные все да любимые,
Детки серым волком долу порыскивают,
Черным вороном вдоль все полетывают,
Мнятся, бранятся, сворятся,
«То мое, а это мое же» брат брату покрикивают,
На малое «се — великое» помалвливают,
Ни помощничка родной Матушке,
Ни помощничка, ни заступничка!..
Одинока стоит горька Матушка,
В протянутой руке — пустое ведерочко.

МАРТ МЁРТВ МИРУ

обыденный храм —
проседающий сиреневый сугроб — пуст:
Преждеосвященная отошла

кожаны ворвались в алтарь
но дары потреблены
ледышечка антиминс
дотаивал в бледных отвесных солнца мечах

только в куколь убранный труп обрели!
слёзно смеются от злости:
«контра!..
субботствуешь падло?»
в ребра тыц сапогом
дулом маузера уста отверзли:
не дышит
ровно сквозь тканей чернь светит
иероглифом молчания параман

нервно папироску смоля
в синее небушко:
«э, где там
спец жеребец?!! ну-ка ко мне!»
попа за волосы притащили: «что?!!»
свидетельствует поп
выдавленными очами глядит
раскровавленными в дрязг шевелит губами
выхаркивает кашицу альвеол осколки зубов:
«да
вам его не достать
пульса нет: успел
уйти в глубокую схиму»

«с каким именем постригли?!!
с каким именем говори мразь?!!»

бесполезного, били попа
(лучшее что успел
за долгое свое учительство рещи : промолчал)

трупы вытащили в овраг

воздух остановился
вербы как бабы рты затыкали концами платков
бессмысленно воронограил зенит
три волхва выступили из нарастающей тьмы
принесли дары:
негашеную известь бензин дрова

ЛЕТОПИСЬ ГОДА ОТ КОНЦА СВЕТА ТАКОГО-ТО

-Ох мороз !..ели
Так и трещат. Люто!..
Деда, а деда! Что там —
Окоём багровый
Звёзды небесные
застит?
Что там пылает?
Деда, у страшно!

— Спокойся, внучек!
Москва в пламенах
там,
Вавилон-блудница,
Сидит на вые
Руси-нежилицы,
Упилася, играет
В петарды негасимы...
Пря там ныне
Нестяжателей со
осифляны.

— А может, деда,
Станем на лыжи,
Побежим посмотрим?
Ты же читал мне
В книге церковной:
Осифляне мол семо,
Нестяжатели овамо...
Вот бы глянуть:
Каковы-то вживе?

— Да их уж, внучек,
Вживе-то нету.
Одна только
Пря и осталась...

Блазнь это, морок,
Навь вражья,
Дабы прельстити,
Аще можно, и верных.
Разверзся кладязь бездны,
Господи помилуй...
Морозно, внучек, —
Полезай-ка в землянку,
Правило править...
Я замолитвлю,
Ты поаминишь,
Тайга подтянет, —
Так и перезимуем!..

ПЕСОК ДУХА

Отцы наши
вечерю в горнице
Сионской правили.
Пили, за горла
яли сосуды,
полные всклень
вина Духа,
били об углы,
хрипели, наставляли
стеклянные розы,
кривые осколки
канонов, преданий,
брат брату
в яремные вены
за аз единый.
Кости трещали,
горницы стены
ходуном ходили,
смешан с юшкой,
в песок тек Дух —
вино Божье.

Мужики дерутся —
не лезь, бабы,
вон, пащенки дети!

Под утро стихло.
Пуста горница.
Хлопает ставень.
Сквозняк ржаво
свистит в горлышки
бутылей битых.
Мамка над мертвыми
в углу воет.

Слепые детки,
приблизились робко,
ползаем ныне

под столом, ищем
пролитого Духа,
мрём, жаждем.
Сбираем, жрём
песок горстями,
высасываем до капли.
И на том спасибо,
отцы, деды.

Песок дерёт горло.
О...чьи пальцы, —
вот наткнулся,
во тьме шарят
предрассветной,
гладной, сиротской,
мне навстречу —
ты ли, братик?

Я, братик.
Держись, милый.
Бог не оставит:
песка много.

КУКУШЕЧКА

Не кляни, навь-судьба, клятием кукушечку,
Не клинь впереклин кликушечку горькую,
На калиновом кусту не калечь кукушаточек.

Полетит она слеподырая за коломенскую версту,
Найдёт криком-крикмя Христа на кресту,
Залетит ко Христу в смерть-пазуху.

Поперёт тя судьбу Христос белыми ногами,
Да возьмёт тя страстными Своими руками,
Да как станет тебя клятую шигать,
Заклинанья клином вышибать,
Клином ясным, крестным, берёзовым.

ЗАГАДКА

Все сёла спят, все деревни спят.
Один пряничный Кремль не спит:
Ходит Перевозчик по кабинету — скырлы-скырлы,
Народное электричество жжёт,
Напряжённую думу думает,
Вековечную загадку разгадывает:
Как ему быть, как их избыть,
Волка, Козу и Капусту куда перевезть,
В этой сирой стране пересохших рек,
Где нет никаких непроходимых границ
Между двумя берегами кисельными?

Стынет в граненом стакане чорный чай,
Перевозчик на стол белы руки уронил,
На руки — буйную голову,
Видит сон-одурень:
Коза,брадой шевеля, Волка жрёт, шерстью давится,
А Капуста — то ли шаром покати,
То ли с плахи летят кочаны-головы...

Встрепенулся, очугуневшие очи продрал,
Взмолился отчаянно:
«Ой спаси ты меня, свят отец фольклор,
Не остави меня, мать традиция,
Подскажите мне грешному отгадушку!»

Ночь молчит, нет ответа Перевозчику.
Только мгла кольцевая огнями вкруг Москвы течёт,
Мгла свинцовая, терпеливая,
Только ветер, спирта-сырца хватив,
Попевает песни да всё похабные,
Сказки-побаски да всё заветные.

РУССКАЯ СКАЗКА

Птицу Сирин в небесах молнией сразило,
Пала — и течёт
Мёдом лета позднего.
Костяные лики лет щелку отворили,
Смотрят: не пора ли? —
Цепи ржавы, гроб хрустальный
Грянется, расколется,
Кровью вытечет на дно
Голубое наше злато, дымное, берёзовое! —
Милая, не плачь, не бойся —
Костяная навь морочит,
В чёрных гранях душной ночи
На террасе деревянной, в сад, распахнутый дождём,
Среди туч — забыта книга,
Колокольный звон берёз
Осень-Волхв пояла, скрыла
В кладях памяти, в пещерах, в тридесятых тронных залах, —
Слышишь хохот?
Навь-Моревна торжествует, яблоки роняет сад!..
Спи, не бойся, доченька!
Помнишь, как там в сказке дальше:
«Жила-была мертвая царевна...» —
Дождь стихает, гроб висит,
Август-Зеркальце разбилось: нет
На свете краше, выше, глубже, постоянней,
Нет страшней и безысходней, слёзней, обречённей
Этой ночи в августе,
Этих мест и этой речи,
Страшно мёртвой вживе, сказочной, последней, —
Спи. Выходят семеро,
На руках несут царевну; плывет месяц-кладенец;
Серебро течёт и тает; небо любит нас;
Спи, моя хорошая.

СОДЕРЖАНИЕ

Осуществление ожидаемого (К. Кравцов) 7
На краю — по ту сторону (Б. Херсонский). 10

ДРЕЙДЛ

ДРЕЙДЛ 17
ИЗ ГЛУБИНЫ ВОЗЗВАХ 18
«Они Ему: Бачка, куда Ты, полночь, и вьюга метёт!...» 20
ПРЕПОДОБНЫЙ ИОАНН ДАМАСКИН ГОВОРИТ. 21
БЕГСТВО 22
ПАССИЯ, ВЕЧЕР ВОСКРЕСЕНЬЯ 24
НА РЕКАХ ВАВИЛОНСКИХ. 25
НОВОМУЧЕНИКИ И ИСПОВЕДНИКИ РОССИЙСКИЕ XXI. 26
КРУШЕНИЕ ПОЕЗДА. 29
ЦАРСТВО БОЖЬЕ 31
ЧАЙКОВСКИЙ, ПАТЕТИЧЕСКАЯ СИМФОНИЯ 33
ДУХ УНЫНИЯ 35
LEG. X. F. 37
ВЕЧНЫЙ ЖИД 40
УДОСТОВЕРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ 42
СЕКУНДНАЯ СТРЕЛКА. 44
ЧТО-НИБУДЬ ПОЕСТЬ 45
НОВОНАЧАЛИЕ. 46
ЕГОРИЙ ИЗ СКОТОПРИГОНЬЕВСКА 48
ВАМ, БОЯЩИМСЯ МИРОВОГО КРИЗИСА В КОНЦЕ ГОДА 50
ПАГАНИНИ, СОНАТА «НАПОЛЕОН» 52
МОЦАРТ, АДАЖИО B-DUR, K. 411, ДЛЯ КОНЦА ВРЕМЁН,
ДВУХ КЛАРНЕТОВ И ТРЁХ БАССЕТГОРНОВ. 53
ГЭНДАЛЬФ ОЗАБОЧЕННО КУРИТ ТРУБКУ. 54
ДЮЙМОВОЧКА ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ ЗЕМЛИ 56
«прежде чем зачать выносить...» 58
ЕДИНОРОГ И ДЕВА 60

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ТЫСЯЧ ВИФЛЕЕМСКИХ МЛАДЕНЦЕВ. 63
ВЕРТЕП, ЛУБОЧНАЯ КАРТИНКА 64
ВОСПОМИНАНИЕ О ШЛАРАФФИИ. 66
«охранник храма Христа Спасителя...» 67
«агентство новостей сообщает...» 69
СОБОР НЕБЕСНЫХ СИЛ БЕЗПЛОТНЫХ 71
ОТШЕЛЬНИЧЕСТВО 74
Клеймо иконы «Преподобный Сергий в житии» 75
ДЕНЬ РЕЗИДЕНТА 77
СВЯТАЯ РАВНОАПОСТОЛЬНАЯ МАРИЯ МАГДАЛИНА 79
ИЗ ЖИТИЯ ХРИСТОФОРОВА 82
БАНОЧКА «КЛИНСКОГО» 85
ЕДИНОРОГ 87
«Между Пасхой и Вознесеньем — на небе...» 89
«помянник «о живых» пройдя до середины...» 90
ФОНАРИК 91
ОТЕЦ И СЫН ПРАЗДНУЮТ ВОЗНЕСЕНЬЕ. 94
ЧАЯ ИНДИКТА. 96

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

«прилагательное «русский»дверь...» 99
Н— СКОЕ ВОДОХРАНИЛИЩЕ 100
ВЫШИВКА 101
КАРТИНА «ДЕВЯТЫЙ МАЙ» 103
ЦЕРКОВЬ И ЕЕ ДЕТУШКИ 104
ЛЕТОПИСЬ ГОДА ОТ КОНЦА СВЕТА ТАКОГО-ТО 107
ПЕСОК ДУХА 109
КУКУШЕЧКА 111
ЗАГАДКА. 112
РУССКАЯ СКАЗКА 113

Сергей Круглов

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Стихотворения

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта *Вадим Месяц*

Главный редактор серии *Андрей Тавров*

Макет и верстка *Валерий Земских*

В оформлении использован рисунок
Giovanni Battista Braccelli

«Русский Гулливер»
тел. +7 495 159-00-59
www.gulliverus.ru
russian_gulliver@mail.ru

По поводу покупки книг звонить:
+7 (905) 575 4103
Олег Асиновский

Подписано к печати 17.05.2010. Формат 140 × 200.
Бумага офсетная. Гарнитура LazurskiC.
Печать офсетная. -

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Cherry Pie»
112114, г. Москва, 2-й Кожевниковский пер.,12